К638
ДВ 23
К

КИМ

КОМСОМОЛ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ ФРОНТУ

ЭР01037

ДВГНБ

ЭР01037

Проверено 52

V ДВ23 638

КОМСОМОЛ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ— ФРОНТУ

СБОРНИК

★

ДВГНБ

КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГИЗ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАБАРОВСК—1942

ЭР01037

ДВ государственная научная библиотека

ДВГНБ

ЭР01037

Комсомольцы Хабаровского края — фронту

И. А. МЕЛЬНИК
Секретарь Хабаровского краевого комитета ВЛКСМ

Дальневосточная молодежь отделена от поля боя, от фронтов отечественной войны тысячами километров, лесами, горами и реками. Но наши мысли и чувства — с героическими защитниками родины, с доблестными воинами советской страны. Мы, дальневосточные комсомольцы, тоже бойцы, бойцы трудового фронта. Каждый наш день наполнен самоотверженным трудом во имя победы, во славу родины. В сообщениях Советского Информбюро рядом с фамилиями героев отечественной войны называются фамилии комсомольцев и молодых рабочих-дальневосточников, скромных героев трудового фронта. Это — слесарь депо Куйбышевка-Восточная Шура Бакшеева, вырабатывающая за смену 10 норм. Это — стахановцы комсомольского машиностроительного завода Александр Веселов и Лидия Рыжакова, которые довели производительность труда до 400 процентов. Работать в тылу так же самоотверженно, как героически воюют на поле брани наши красные бойцы — стало целью жизни молодых дальневосточников. Тысячи комсомольцев нашего края работают за двоих, за троих. Широкое распространение получила новая форма социалистического соревнования — фронтовые бригады. Фронтовые бригады выполняют задания партии и правительства, как бойцы выполняют боевой приказ на фронте. Слесарь автоконтрольного пункта вагонного депо ст. Куйбышевка-Восточная комсомолка Шура Бакшеева говорит:

— Вырабатываю я, как правило, 500—600 процентов нормы, а иногда и 10 норм. После того, как мой труд отметило Советское Информбюро, я еще строже, с еще большей ответственностью стала относиться к работе. Перевыполнишь норму, и лучше становится на душе, видишь, что капелька и твоего труда вложена в общее дело победы над врагом.

Не так давно правительство наградило орденами и медалями Советского Союза пять комсомольцев — рабочих завода имени В. М. Молотова. Кто они, эти молодые патриоты родины, чем заслужили они высокую награду правительства?

Николай Спицын в 1938 году уволился из рядов Красной Армии, где он был командиром танка. Спицын поступил на завод

ЭР01037

слесарем-лекальщиком. Вскоре была создана комсомольско-молодежная бригада, и Спицын стал бригадиром. В бригаде высококвалифицированные слесари обучали новичков. Выполняя точную филигранную работу, они давали образцы высокой производительности труда. Пример показал сам бригадир Николай Спицын. Вот уже третий год, как его бригада является передовой в соревновании между заводскими бригадами города Хабаровска; в ее руках — переходящее Красное знамя горкома ВКП(б) и горисполкома. За самоотверженный труд, рационализацию производства и обучение своей профессии новичков Николай Спицын награжден орденом «Знак почета».

— Сейчас, — говорит Николай Спицын, — наша бригада — фронтовая. Будем трудиться, не зная устали, не думая об отдыхе. И когда после победы над фашистами вернутся моих три брата-красноармейца, мне не стыдно будет слушать их рассказы о боевых подвигах...

О слесаре Михаиле Сниткине на заводе говорят: это художник своего дела, а его товарища-фрезеровщика Ивана Голуб зовут музыкантом. По 16—20 часов в сутки не выходили они из цеха, когда нужно было выполнить срочное ответственное задание. Двадцатилетний Иван Голуб уже имеет 8 своих учеников; они освоили при его помощи профессию фрезеровщика. Правительство по заслугам оценило замечательную работу комсомольцев, наградив их орденами и медалями.

Вся краевая комсомольская организация гордится комсомольско-молодежной фронтовой бригадой мастера Александра Матвеенко с завода имени Горького. В бригаде рядом с высококвалифицированными рабочими — Александром Матвеенко, Ильей Щегловым — работают выпускники школы ФЗО — Анатолий Свирский и другие. Бригада из месяца в месяц перевыполняет нормы. Комсомолец слесарь Илья Щеглов однажды четверо суток не уходил из цеха, зато срочное задание, на которое требовалось по норме 533 часа, выполнил за 90 часов. В социалистическом соревновании имени 24-й годовщины Красной Армии бригада тов. Матвеенко добилась исключительных успехов. 2 февраля 1942 года, успешно закончив январский план, бригада получила приветственную телеграмму Центрального комитета ВЛКСМ. В телеграмме говорилось:

«Горячо поздравляем коллектив бригады с успешным выполнением взятых обязательств в январе месяце. Высоко оцениваем и гордимся работой стахановца Ильи Щеглова. Уверены, что коллектив бригады двадцать четвертую годовщину Красной Армии отметит новыми производственными успехами, широким распространением опыта своей работы среди всего коллектива завода».

Телеграмма ЦК ВЛКСМ вызвала новый подъем трудового энтузиазма молодых патриотов. Каждый из них старался рационализировать свой труд, изобретать, совершен-

ЭР01037

ствовать. В апреле на одном срочном заказе Илья Щеглов дал рекордную выработку — 2 100 процентов. Как он этого достиг? Секрет простой. Раньше деталь, над которой работал Щеглов, изготовлялась вручную. Стахановец подумал — нельзя ли ускорить дело — и изготовил простейшее приспособление. Это дало ему возможность выполнять несколько операций одновременно и позволило закончить работу за 8 часов вместо 175 часов, положенных по норме.

Идя по этому же пути рационализации, тов. Щеглов 30 апреля выполнил производственное задание на 13 тысяч процентов и 1 мая — на 20 тысяч процентов. Другой замечательный стахановец, слесарь-лекальщик Энвер Абрашитов выполнил в эти же дни свое задание на 33 тысячи процентов. Выдающиеся успехи молодых стахановцев указывают путь всем молодым рабочим. Эти успехи стали возможны потому, что стахановцами движет безграничная любовь к своей отчизне. Она поднимает их на самоотверженный труд, а высокая техническая культура, подлинное мастерство и настойчивость в достижении поставленной цели помогают им добиться выдающихся успехов.

От комсомольцев промышленности и транспорта не отстает и наша сельская молодежь. Тысячи молодых колхозников горят патриотическим желанием дать Красной Армии больше мяса, молока и других продуктов сельского хозяйства, день и ночь трудятся на колхозных полях.

Замечательные образцы труда показывают девушки-трактористки. Отвечая на призыв патриоток Орджоникидзевского края, свыше 1 000 трактористок включились во Всесоюзное соревнование. После первого этапа соревнования 15 наших трактористок выдвинулись кандидатами на получение звания лучшей трактористки Советского Союза. Среди этих девушек трактористка колхоза «Путевая звезда», Ивановской МТС, комсомолка Вера Гребенник, выполнившая план на 254 процента и сэкономившая 413 килограммов горючего, а также Мотя Копаница, Федосия Фалатюк и другие.

Так героически трудится молодежь нашего края в дни отечественной войны. 85 комсомольцев промышленности и транспорта за свой самоотверженный труд награждены правительством орденами и медалями Советского Союза. Честь и слава молодым гвардейцам трудового фронта! Работайте и дальше так, чтобы вами гордилась Хабаровская организация комсомола, чтобы ваши подвиги запомнила благодарная родина. Работайте так, чтобы ваши ряды множились с каждым днем. Чтобы таких комсомольцев стали тысячи. И когда мы придем к радостной цели — к победе, молодая гвардия хабаровских комсомольцев сможет с гордостью сказать: в этом деле есть и доля нашего труда!..

Любимым героем нашей молодежи является Павел Корчагин — герой романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Мы

ЭР01037

любим Корчагина за его мужество, безграничную преданность родине, умение жертвовать собой во имя партии Ленина—Сталина. Советские юноши и девушки видят в Павле Корчагине олицетворение мужественного борца за свою родину и хорошо помнят его слова, которые звучат сейчас с новой, особенной силой:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... чтобы умирая смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Комсомольцы и наша славная молодежь закаляются сегодня в огне войны. Война является суровым испытанием на мужество, храбрость, героизм и преданность своей отчизне. Тысячи комсомольцев повторяют сегодня героику корчагинских дней. Лучший этому пример — работа комсомольцев подшефной ленинско-сталинскому комсомолу стройки Амурсталь. Из Харькова и Воронежа, Киева и Москвы, из Ленинграда и Одессы — со всех концов необъятной нашей родины ехали с путевками ЦК ВЛКСМ комсомольцы строить первый металлургический комбинат на берегах Амура. Токари, слесари, фрезеровщики, электросварщики сами строили завод. Они стали лесорубами, бетонщиками, землекопами. Так было нужно стране, так приказал комсомол — и горячо, плодотворно трудились молодые энтузиасты. Но вот началась война. Она застала их на стройке. У многих сестры, братья, отцы и матери остались там, на западе — в Киеве, Одессе, Харькове, Минске. И сейчас, когда молодежь читает газеты, слушает сообщения Советского Информбюро, кровь стынет в жилах от злодейств немецких фашистов, руки сжимаются в кулаки, но не слабость, не хныканье вызывают фашистские зверства. Ненависть кипит в сердцах патриотов, ненависть, которая рождает героизм, ненависть, которая заставляет трудиться сутками, ненависть, которая приносит победу. И на комсомольской стройке, за десять тысяч километров от фронта, молодые патриоты выходили на работу, как в бой. Еще горячее бились сердца, еще проворнее двигались молодые руки.

Сталь нужна фронту, сталь нужна родине. Трудиться самоотверженно, как героически воюют красные воины, — это благородное стремление родило в комсомольской организации стройки замечательное соревнование за право первым пробить летку мартеновской печи. Соревнование развернулось с невиданным размахом. В авангарде шли комсомольцы. В бригаде штукатура Вали Демениной было десять молодых людей — пять «старожилов» — девушек и пятеро ребят, только что окончивших школу ФЗО. Бригада работала самоотверженно. Вот один из многих эпизодов. Бригада только что отработала утреннюю смену. Валю Деменину вызвал прораб и сказал:

— Срочная работа. Прибыл мазут, а сливать его некуда.

ЭР01037

решили слить в пылеотстойники газогенераторной станции, но их нужно отштукатурить. Поручаем это тебе. По-мирному там дней на 20 работы, а по-военному... Ну, да ты сама понимаешь...

Валя собрала свою бригаду и рассказала о задании.

— Перетащим инструменты, сходим в столовую и сегодня же в ночь — на работу...

Через два часа штукатуры уже были на объекте. Две смены подряд проработали они и выполнили три нормы. На следующий день бригада снова выработала 300 процентов нормы. В воскресенье, отказавшись от дня отдыха, бригада Демениной дала такую же выработку, а на четвертый день закончила и сдала работу.

В сообщении Советского Информбюро за 4 ноября 1941 года наряду с сообщениями о подвигах героев отечественной войны говорится о трудовых подвигах наших комсомольцев:

«Бригада штукатура Вали Демениной на Амурстальстрое с начала отечественной войны систематически перевыполняет норму. Включившись в предоктябрьское социалистическое соревнование, бригада стала выполнять по пять норм».

То, что труд комсомольцев стройки стал известным родине, взволновало, заставило работать еще больше, еще лучше. Окрепла боевая дружба, законом поведения стала товарищеская взаимопомощь.

На стройке в одном месте случилась авария: лопнули трубы, вода била фонтаном. Электросварщик Алексей Цыганков бросился к месту аварии и несколько часов работал по пояс в воде. Домой он не ушел до тех пор, пока не убедился, что опасность миновала.

— Это было для Цыганкова настоящим испытанием. Выдержал, — значит хороший комсомолец будет, — говорили комсомольцы на собрании, принимая тов. Цыганкова в свои ряды.

Секретарь бюро ВЛКСМ Госсантехмонтажа, бригадир комсомольско-молодежной фронтовой бригады слесарей-монтажников Иван Чопоров дни и ночи работал со своей бригадой на участке. Когда нужно было давать воду в мартеновский цех, он не покидал участка семь суток. Газета «Комсомол в борьбе за сталь», выходящая на стройке в предпусковой период, писала:

«Работать по-фронтовому стало жизненной потребностью для молодых строителей Амурстали. Особой трудовой доблестью выделяются вновь созданные фронтовые бригады. Героический подвиг на одном участке совершила фронтовая молодежная бригада Чопорова, в которой работает четверо комсомольцев. Срочно требовалась опрессовка коллекторов, семь суток без отдыха работали чопоровцы и свое задание выполнили с честью. Их производительность труда за эти дни составила 200 процентов».

На стене висел плакат: «Зальем сталью немецких голово-

ЭР01037

резов!». Как мечтали об этом, как стремились к этому строители Амурстали! Сейчас завод построен. Задымили трубы, первенец черной металлургии на Дальнем Востоке вступил в строй. Его строили лучшие сыны и дочери ленинско-сталинского комсомола. За самоотверженный труд многие из них награждены орденами и медалями Советского Союза, и среди них Валя Демени-на, Иван Чоноров, Ольга Мнишенко, Алексей Цыганков и другие. Сейчас они работают на родном заводе машинистами завалочных и разливочных машин, операторами мартеновских печей и прокатных станов, вальцовщиками, подручными сталеваров. В день пуска завода комсомольская организация и молодые строители Амурстали получили приветствие от Центрального комитета ВЛКСМ. В приветствии говорилось:

«Центральный комитет ВЛКСМ поздравляет комсомольцев и молодых строителей с пуском первой очереди подшефной комсомолу стройки завода Амурсталь, с выдачей первых тонн металла. Ваша работа — немалый вклад в дело создания металлургической базы на Востоке. Вы практическими делами оправдали высокое звание членов ленинско-сталинского комсомола. На строительстве завода в борьбе с трудностями возмужали, приобрели квалификацию сотни юношей и девушек.

Комсомольцы Валя Деменина, Федор Славинский, Николай Санинский, Ольга Мнишенко, Татьяна Моргунова, Иван Рохлин, Михаил Кураков, Миша Тимофеев и многие молодые строители показали образцы работы на трудовом фронте. Все для фронта, все для победы над проклятыми гитлеровскими бандами — этой мыслью живет сейчас комсомол, вся советская молодежь.

Надеемся, что молодые строители Амурстали будут в первых рядах бойцов трудового фронта, сделают все, чтобы Красная Армия обрушивала на головы фашистских людоедов тонны смертоносного металла.

Желаем дальнейших успехов в вашей работе.

Центральный комитет ВЛКСМ».

***

Ярким проявлением могучего патриотического подъема молодежи нашего края явилось замечательное движение по сбору средств на постройку эскадрильи бомбардировщиков «Хабаровский комсомол».

Не только своим трудом, но и своими средствами помогают комсомольцы громить врага. В дни, когда лютый враг остервенело рвался к сердцу нашей родины — Москве, многие комсомольские организации нашего края выступили с предложением построить на средства комсомольцев и молодежи звено бомбардировщиков. Пленум краевого комитета ВЛКСМ одобрил эти предложения. В принятом решении говорилось:

«Пленум Хабаровского краевого комитета ВЛКСМ, всемерно

ЭР01037

одобряя и поддерживая инициативу комсомольских организаций, призывает всех комсомольцев, всю молодежь Хабаровского края принять активное участие в постройке звена бомбардировщиков «Хабаровский комсомол» с тем, чтобы обеспечить до 1 января 1942 года введение их в ряды действующей армады советской авиации, громящей на полях сражений фашистских разбойников, и тем самым ускорить победу нашей героической Красной Армии над полчищами гитлеровских разбойников».

Благородный и подлинно патриотический почин молодых дальневосточников нашел горячую поддержку у всех трудящихся края. На текущий счет № 160|9085 со всех концов края начали поступать сотни тысяч и миллионы рублей. Каждый комсомолец, каждый труженик вносил свою лепту в строительство самолетов «Хабаровский комсомол»; многие комсомольцы отчислили свою месячную заработную плату. Так, например, поступили комсомольцы, где комсоргом тов. Бебякин.

В Хабаровское отделение госбанка пришел однажды скромный юноша. Он сказал:

— Вот тысяча рублей. Прошу зачислить их на строительство самолетов. — Это был комсомолец Сергей Ищенко.

Комсомольцы прииска Верхний Атурьян Сергей Борисов и Семен Кончекчи внесли по пять тысяч рублей каждый. Трудящиеся Амурской области перечислили около 4 миллионов рублей.

Пленум краевого комитета ВЛКСМ писал в своем решении о звене бомбардировщиков, но средств поступило столько, что их хватило на целую эскадрилью.

С исключительным подъемом принял коллектив одного из авиационных заводов страны заказ краевой комсомольской организации на строительство эскадрильи. Каждый трудящийся завода с особой любовью отнесся к нашему заказу, поставив перед собой задачу построить бомбардировщики в кратчайший срок и сверх программы.

На заводе среди комсомольцев-мастеров развернулось социалистическое соревнование за сокращение цикла работ; комсомольцы не уходили из цехов до тех пор, пока не выполняли своих заданий. В результате напряженного героического труда самолеты были построены раньше срока. 21 декабря 1941 года состоялась передача эскадрильи героическим воинам Красной Армии.

Экипажу эскадрильи бомбардировщиков «Хабаровский комсомол» мы вручили наш комсомольский наказ:

«Боевые товарищи! Машины, врученные вам, построены на трудовые рубли дальневосточной молодежи. Помните это. Берегите их, как зеницу ока. Держите крепче в руках штурвал наших краснозвездных боевых машин. Бейте врага без промаха, бейте в самое черное его сердце, беспощадно истребляйте гитлеровских людоедов».

Наши самолеты попали в надежные, крепкие руки. Герой оте-

ЭР01037

чественной войны летчик дважды орденоносец майор Тихий, воспитанник ленинско-сталинского комсомола орденоносец старший лейтенант Иван Гросул — вот кто водит наши боевые машины. Сталинские соколы героическими делами благодарят дальневосточную молодежь за полученный подарок. Военный комиссар авиачасти старший батальонный комиссар тов. Тарасенко писал молодежи Хабаровского края:

«Дорогие товарищи! Шлю сердечный привет и искреннюю благодарность за полученные от вас подарки. Подарки, присланные вами, являются еще одним свидетельством братского единства тыла и фронта — могучего и неиссякаемого источника нашей военной мощи, доблести и мужества Красной Армии. В этих подарках личный состав части видит беспримерную заботу и любовь советского народа к своей родной Красной Армии. Эта забота вдохновляет нас на еще большие подвиги в борьбе с ненавистным врагом. Заверяю вас, товарищи комсомольцы, что мы, как сыны великой родины, не пожалеем сил и самой жизни для того, чтобы разгромить подлого врага — гитлеровскую Германию. На полученных от вас машинах наши сталинские соколы, не зная устали и страха в борьбе, летают в стан врага, уничтожая фашистскую нечисть.

Боевая машина с надписью «Хабаровский комсомол» словно вихрь проносится бреющим полетом над логовом фашистского зверя, сея страх, панику, смерть. Много тысяч истреблено фашистских разбойников, много уничтожено его техники. В предстоящих нам сражениях мы удесятерим количество сбрасываемого смертоносного груза на головы заклятого врага, выполняя приказ любимого Наркома товарища Сталина о том, чтобы в 1942 году разгромить и уничтожить фашистских разбойников. Я надеюсь, что и вы, работники тыла — комсомольцы Хабаровского края, приложите все усилия к тому, чтобы дать Красной Армии все необходимое для полного разгрома каннибалов 20-го века».

В ответ на сообщения о боевых подвигах сталинских соколов на самолетах, носящих имя «Хабаровский комсомол», комсомольцы края начали сбор средств на строительство танковой колонны. В течение короткого времени собрано и заработано на комсомольско-молодежных воскресниках 15 миллионов рублей. Мы уверены, что так же, как и эскадрилья самолетов, танковая колонна «Хабаровский комсомол» будет построена.

Помогая своим героическим трудом, строительством самолетов и танков громить врага, дальневосточная молодежь ни на одну минуту не забывает указаний товарища Сталина о подготовке боевых резервов для Красной Армии.

Воспитанные партией Ленина—Сталина на героических традициях Октября, комсомольцы и молодежь Дальнего Востока не раз показывали свою храбрость и преданность родине в жестоких схватках с врагом. Волочаевка, наши пограничные сопки и пади, высота Заозерная и озеро Хасан хранят память о тысячах имен

ЭР01037

героев-комсомольцев. И сейчас на фронтах отечественной войны лучшие сыны краевой комсомольской организации множат славные традиции дальневосточников.

Партия, великий Сталин призвали нашу молодежь, всех трудящихся овладевать боевым оружием, и наша молодежь в подразделениях всевобуча терпеливо и настойчиво выполняет наказ партии, наказ вождя. Замечательные люди выросли из бойцов всевобуча: они приобретают военную специальность и по-фронтовому работают на производстве. На машиностроительном заводе в Комсомольске работает разметчиком комсомолец Николай Тарабарко. Он выполняет производственные нормы на 500 и выше процентов. В подразделении всевобуча тов. Тарабарко стал снайпером. Комсомолец многостаночник тов. Еременко сдал по всевобучу все зачеты на отлично и тоже стал снайпером.

С исключительной активностью откликнулась наша молодежь на призыв генерала армии тов. Апанасенко. «Молодежь, на лыжи!». Прошедшая зима не прошла для нас даром. 115 тысяч комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников, в том числе почти две трети краевой комсомольской организации, приняли участие в лыжном кроссе, свыше 80 тысяч лыжников успешно прошли дистанцию кросса. Комсомольцы Сахалинской области провели эстафету вокруг советского Сахалина. Сотни комсомольцев и молодежи сквозь буран и сильные морозы пронесли эстафету на 1200 километров. За зиму в крае подготовлено 32 тысячи лыжников-бойцов, научившихся отлично владеть оружием на лыжах. Наши дальневосточные лыжники на фронте показали замечательное мастерство. Командир одной из гвардейских частей просил в письме направить в его часть лыжников-дальневосточников в качестве разведчиков. Что может быть выше этой оценки, полученной с фронта от прославленных гвардейцев, которые так высоко ценят наших замечательных лыжников.

Выковывая из себя воинов, комсомольцы и молодежь нашего края в любую минуту готовы отдать всю свою боевую выучку, все свои силы, всю ловкость свою на разгром врага.

Верные помощники большевистской партии, комсомольцы нашего края с честью оправдывают роль передового отряда молодежи, увлекают ее за собой на трудовые подвиги во славу родины. Поэтому вполне законно стремление передовой молодежи вступить в комсомол. Владимира Костеневич призвали в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Перед отъездом в часть он пришел в Вяземский райком комсомола и сказал:

— Решил прийти прямо к вам, так как там, где я работаю, нет комсомольской организации. Знаю, как героически воюют на фронте комсомольцы. Хочу быть в их дружной семье. Если выпадет счастье сразиться с врагом, звания комсомольца я не уроню. Прошу принять в комсомол.

Просьбу Владимира Костеневич удовлетворили.

ЭР01037

— Мы верим тебе, Владимир, — сказали ему, — мы твердо надеемся, что в грядущих боях ты оправдаешь звание члена ленинско-сталинского комсомола.

Студентка Благовещенского водного техникума Зоя Коршунова написала в своем заявлении:

«Сегодня я прочла в газете о героической смерти Зои Космодемьянской. Я иду тебе на смену, Зоя. Прошу принять меня в ряды комсомола. Буду стараться в учебе, в труде и в борьбе быть такой же, как незабвенная Таня — Зоя Космодемьянская».

Молодой бурильщик Бурейшахтстроя, недавно окончивший школу ФЗО, Александр Синебабов, награжденный медалью «За трудовое отличие», в заявлении, поданном в комитет ВЛКСМ, писал:

«Прошу принять меня в ряды ВЛКСМ, хочу связать свою судьбу с комсомолом, чтобы еще лучше работать во имя нашей победы над проклятым фашизмом».

Таких заявлений в комсомольские организации нашего края поступают сотни, тысячи. Сыны и дочери советской родины стремятся связать свою жизнь с комсомолом, боевым помощником партии. Прославленные бригады Александра Матвеенко и Энвера Абрашитова стали полностью комсомольскими. Своими стахановскими делами молодые рабочие доказали право быть в рядах комсомола.

Замечательная молодежь пополняет наши ряды. Стахановцы фабрик и заводов, передовые труженики колхозной деревни, отличники ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения, советская интеллигенция встали под боевые знамена ленинско-сталинского комсомола, чтобы быть в первых рядах борцов за свободу и независимость матери-родины.

Красные воины ведут героическую борьбу с жестоким врагом. Первомайский приказ вождя народов великого Сталина — сделать 1942 год годом окончательного разгрома и уничтожения гитлеровских мерзавцев — вдохновляет их на новые подвиги, на подвиги мужества и бесстрашия. Первомайский приказ вождя народов великого Сталина вдохновляет и нас, дальневосточников, на стахановский самоотверженный труд, на беззаветную помощь фронту. В цехах фабрик и заводов, не зная устали, не считаясь со временем, работают молодые патриоты. Одна цель, одно стремление движет ими: дать фронту, стране больше продукции, больше танков, самолетов, боеприпасов. Замечательно трудятся комсомольцы на колхозных полях, добиваясь сталинского высокого урожая.

Все силы, весь порыв молодости юноши и девушки отдают на великое правое дело, на защиту родины от коричневой чумы!

Победа будет за нами! Враг будет разгромлен! Под великим непобедимым знаменем Ленина—Сталина дальневосточный комсомол впишет новые славные страницы в историю борьбы и побед Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи.

ЭР01037

Пулеметчик из Комсомольска

Евг. ВОРОБЬЕВ

Каждый раз, когда вода закипала, Хаметов сгребал руками снег и набивал его через узкое отверстие в кожух «Максима». Рыхлый и рассыпчатый снег плохо уминался в руках. И совсем не так легко было одному человеку охлаждать пулемет, разгоряченный боем.

Если бы у «Максима» находился пулеметный расчет, все было бы очень просто. Но в том-то и дело, что немцы начали контратаку на высоту, когда там был один Хаметов и никого рядом с ним.

«Максим» был умело спрятан в мелкорослом кустарнике. Сам Хаметов надежно укрылся в своем окопчике.

Немцы не заметили пулемета сразу, а когда они его обнаружили, было уже поздно. Хаметов стрелял с тем искусством, которое принесло ему славу лучшего пулеметчика части. Он управлялся за всех — и за первого, и за второго номера, и за подносчика патронов.

Немецкий взвод так и не поднялся на высотку. Весь взвод полег у ее подножья, и только три немца убрались восвояси.

Хаметов начал готовиться к новому «визиту». Не хотелось расставаться с окопом, который хорошо укрывал от мин, но пулеметчик все-таки решил сменить огневую позицию. Он боялся удара слева, где лесок подходил близко к высотке.

Хаметов отполз с «Максимом» в сторону и, когда вдали на заснеженной поляне показалась новая, еще более плотная цепь немцев, он был готов к встрече.

Пулемет молчал, Немцы приближались. Пулемет молчал. Уже можно было рассмотреть лица солдат, идущих впереди. Пулемет молчал. И только, когда враг приблизился на 150 метров, Хаметов на[illegible]тку.

ЭР01037

Очередь. Еще очередь. Еще одна длинная очередь. В цепи образовалась брешь. Немцы припали к земле, залегли. «Максимушка», не подводи. И «Максимушка» бил до тех пор, пока немцы не побежали обратно.

Передышку Хаметов использовал по-хозяйски. Пулеметчик вторые сутки ничего не ел. Но он и не притронулся к сухарям, которые лежали в кармане шинели. Не до еды, когда нужно окоченевшими, негнущимися пальцами перебрать весь пулемет — винтик за винтиком.

В третью атаку немцы бросили до полутора рот. Они уже не шли открыто, а ползли по снегу, прячась за трупы.

В эту страшную минуту Хаметов присмотрелся к тому, как пули взвихривают снег. И он убедился, что ему в спину зашли в лесок немецкие автоматчики.

Хаметов снова нагреб снега, развернул пулемет, прострочил лесок, затем принял прежнее положение. Он один занял «круговую оборону».

Смеркалось. Огненные вспышки пулеметных очередей видны были все лучше. Пули били о щиток пулемета, как дождевые капли об оконное стекло. Одна из них попала в руку. Но Хаметов не обратил на нее внимания. Не отнял руки от гашетки.

Он выпустил в тот день по врагу восемь лент. И когда одинокий пулеметчик с рукой на перевязи уползал с высотки вдвоем с «Максимом», вокруг, на снегу, лежало около двухсот немецких трупов.

Перед отправкой в госпиталь Хаметов просил об одном: не отправлять его далеко, не разлучать с гвардейской дивизией, «Максима» передать в надежные руки.

И вот недавно Хаметов вернулся в часть. Он приехал, несколько осунувшийся, но такой же подтянутый, с тем же веселым огоньком в блестящих глазах и той самой сдержанной улыбкой, которую любили все.

— Прошу определить к старому «Максиму», — первая просьба, с которой Хаметов обратился к старшему лейтенанту Кочергину.

Гвардейцы шутливо называют своего товарища Максимом. Некоторые молодые бойцы думают, что Максим имя пулеметчика, хотя на самом деле его зовут Владимиром.

**
*

Молодые патриоты Комсомольска-на-Амуре!

Каждому вы можете с гордостью сказать: — Это парень — из нашего города. Это в нашем коллективе вырос такой храбрый и умелый воин.

Законна ваша гордость!

Но и вы трудитесь так, чтобы Владимир Хаметов тоже с гордостью мог сказать о вас товарищам-гвардейцам:

— Это наши ребята и девушки из Комсомольска-на-Амуре так славно, так крепко помогают нам бить немцев!

ЭР01037

Лейтенант Владимир Гордов

Ю. ШЕСТАКОВА

— Вот в этой маленькой комнатке жил он. — Васса Ильинична говорит о сыне. Говорит спокойно, но глубокой, невыразимой печали полны ее глаза. Здесь все напоминает о нем. Со стены глядит портрет улыбающегося юноши-школьника, на письменном столике фотография молодого лейтенанта-артиллериста (это последний Володин снимок перед уходом на фронт). Вот его бесчисленные премии за отличную учебу в школе — бюст Сталина, белая гипсовая статуэтка, барельеф Пушкина, альбом портретов классиков мировой литературы и множество книг.

Все связано с воспоминанием о сыне, бесконечно родном и любимом.

Мать рассказывает: это был высокий, стройный юноша, с ясным спокойным взглядом, с нежным сердцем любящего сына, честный и трудолюбивый. Теперь Васса Ильинична осталась одна. Единственная дочь Вера — студентка московского института — ушла добровольцем на фронт.

Обращаясь памятью к прошлому, мать видит своих детей перед собой. Выросли они без отца — Володя и Вера. Все заботы всегда были связаны с мыслью о них. Володя, с детства приученный к аккуратности, был исполнительным и точным. Отзывчивый и добрый по характеру, он не способен был обмануть, унизить человека. Не скрывая своей радости, мать наблюдала за тем, как сын проявлял самостоятельность во всем, он не боялся никакой работы, он делал все — гладил брюки, стирал белье, ходил на рынок. Уже повзрослел Володя, но оставался таким же, и часто товарищи заставали его дома за неожиданным занятием: то он мыл полы, то готовил обед для матери, которая «вот-вот должна притти с работы».

Володя учился в 35-й хабаровской школе, ученики помнят его — отличника учебы, руководителя стрелкового кружка, хорошего художника. Директор школы т. Мостовец, бывший Володин преподаватель истории, рассказывает:

— Дисциплинированный, строгий к себе и другим, исполнительный, активный комсомолец, — таким мы знали Володю Гордова. — Он очень любил военное дело.

Мечта о том, чтобы попасть в военное училище, жила в нем давно. Он с увлечением искал военную литературу. В углу на этажерке книги, которые он читал. Среди современных изданий о танках и артиллерии есть много старых, дореволюционных. Вот книжка издания 1910 года «Пулеметы», книги о Суворове, Багратионе, а рядом «Наставления для обучения стрельбе» издания 1889 года. Эта книга, явно устаревшая и представляющая лишь интерес

ЭР01037

исторический, читалась Володей сознательно — отдельные места перечеркнуты карандашом, на полях сделаны пометки.

— Он так заботился о своем здоровье, — вспоминает мать, — занимался физкультурой, не курил. Помню, как осаждал он военных, когда заканчивал десятилетку. Просил совета — куда ему лучше поехать учиться. Наконец, твердо решил стать артиллеристом. И вот беспокоился, часто спрашивал меня, не кажется ли мне, что у него узка грудная клетка, но, встретив мою улыбку; успокаивался.

Осенью 1939 года он уехал в Ленинград, восторженный и счастливый. Мать волновалась — так мало денег у него было с собой, всего 100 рублей. Но получила вскоре от него письмо и страшно удивилась: он сообщал, что доехал хорошо и что он даже не израсходовал всех денег. Володя поступил в военную школу.

Васса Ильинична достает связки его писем. За два года у нее их накопилось много. Да, он любил свою мать! Заботой о ней, любовью к семье дышит каждое его слово. А вот фронтовые письма. Четвертого августа Володя писал:

«Дорогая мамочка!

Случайно увидел почтальона. Буквально на глазах у него пишу тебе несколько строк. Жив и здоров. Нахожусь на Смоленском направлении Западного фронта. Постепенно привыкаю к гулу и треску орудий и минометов. Вчера впервые вел огонь взводом противотанковых орудий. Вывел из строя два немецких орудия с прислугой и один легкий танк. Сегодня спокойно. Правда, в воздухе часто появляются немецкие самолеты «Хейнкель», которые исчезают при первом появлении наших истребителей.

До свидания. Не скучай! Твой сын Володя».

Он любил мать нежной и трогательной любовью. Он относился к сестре, как старший товарищ, по-братски журил ее и в то же время заботился о ней; в письмах к матери с фронта Володя Гордов встает как боец, командир, человек. Вот последнее его письмо:

«Добрый день, дорогая мамочка!

...Ненавистью пылает мое сердце, когда вспомнишь о тысячах убитых и замученных русских — героев этой великой отечественной войны. Я готов огнем своих орудий смести с нашей земли всю эту фашистскую сволочь, уничтожившую столько людей, столько красивых советских городов.

Пленные немцы рассказывают о том, что, якобы, здесь, по словам их офицеров, немецкая армия столкнулась с так называемой «сталинской линией обороны». Улыбаюсь я этим словам — сколько таких линий обороны встретят еще немцы, если будут двигаться дальше, в глубь страны. Тысячи мужественных бойцов, грудью защищающих каждую пядь советской земли, — вот эти линии обороны.

...В Москве впервые за два месяца я встретил сестру. Расстояние [illegible] неимоверно, но, как мне показалось, она ни капли не

ЭР01037

ыросла. Попрежнему вся в веснушках. Я ей шутя заметил, чтобы она лучше следила за собой, в частности, за своей прической, она махнула рукой и сказала, что сейчас не до этого. Наоборот, сейчас ей и нужно следить за собой. Она ведь уже взрослая девушка, ты ей напиши об этом.

Так мы с тобой, дорогая мамочка, и не увиделись после окончания училища. Жаль, хочу я на тебя посмотреть, моя старушка, увидеть тебя, поцеловать, поблагодарить за воспитание.

Сегодня я получил единовременное пособие. Тебе, мамочка, я послал тысячу рублей и каждый месяц буду высылать 500 рублей. Из них ты сама посылай Веруне, сколько найдешь нужным. Здесь, на фронте, у нас есть все: печенье, конфеты, молоко, сметана, шоколад и папиросы.

До свидания. Крепко целую. Володя».

А потом Васса Ильинична получила еще одно письмо, но оно было уже не от Володи. Комиссар Энского артполка, старший политрук т. Смолянский сообщал: «Ваш сын лейтенант Гордов Владимир Михайлович, уроженец Хабаровского края, при выполнении боевого задания в боях за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 16 августа 1941 года, похоронен на южной окраине деревни Балыкино, Ярцевского района, Смоленской области».

Вместе с извещением в конверте лежала открытка — цветная репродукция с картины художника В. А. Ватагина «Филин». Поля не обагрены кровью. На обороте ровным почерком выведены пламенные слова клятвы комсомольца: «Клянусь защищать родину честно и мужественно, до последней капли крови. Будучи раненым, клянусь не покидать поле сражения до тех пор, пока меня не оставят силы. За любимую родину! За великого Сталина! Вперед, на полный разгром фашизма! Лейтенант Гордов».

Адресованная матери, эта открытка была найдена в комсомольском билете — он не успел ее отправить.

Светлый образ любимой матери носил в своем сердце Володя Гордов. Это святое чувство согревало его в боях, оно олицетворяло собой любовь к жизни и беззаветную преданность великой матери-родине.

Васса Ильинична Гордова тяжело переживает утрату. Но она не упала духом. Мужественная женщина-мать! Превозмогая личную боль, она осушила слезы и на другой день вышла на работу. В Крайкомхозе Вассу Ильиничну знают, как хорошего работника, как настоящую советскую мать, воспитавшую замечательных детей.

Васса Ильинична отказалась от пенсии.

— Я работаю сама и мне не нужны деньги, — заявила она. — Я еще способна помочь государству. Хочу поехать на фронт. Сердце и мысли у меня там.

ЭР01037

И она переводит взгляд на фотографию дочери. («Вот прочтите»). Дочь ее пишет: «Здравствуй, мамочка! Вчера я закончила все экзамены и получила аттестат медицинской сестры и военный билет. Подала заявление добровольцем на фронт. Теперь со дня на день жду повестки. Не волнуйся и не беспокойся за меня. Я все обдумала очень серьезно. В такой напряженный для нашей страны момент я должна быть там. Целую. Вера».

Нет, не слезы слабости катятся по лицу матери. Ненависть к фашистским изуверам жжет ее сердце. Обидно, что Володя не увидит, как снова воцарится мир на советской земле, когда фашизм будет уничтожен, как с новыми победными песнями пойдет страна к своей заветной цели.

Мать, потерявшая сына, знает, что он погиб смертью храбрых, защищая свой народ, свое великое отечество социализма. Разве Володя согнулся бы под ударом фашистской плетки? Разве он примирился бы хотя на один миг с мыслью о том, что великую семью народов фашизм опояшет цепями рабства? Нет, не таков был Володя Гордов.

Васса Ильинична встала со стула, выпрямилась, решимость и спокойствие сквозят во взгляде. Как сын похож на нее! Во имя родины она готова сама пойти на фронт, сильная духом, советская женщина-мать.

Ганси Киля

ВАДИМ КОЖЕВНИКОВ

На стремнине облас ударил о корягу, черную, с корнями, похожую на клубок окаменевших змей. Несколько мгновений облас, как конь, вставший на дыбы, почти вертикально висел в воздухе. Потом твердая от холода вода Амура охватила Ганси и, тесно сжимая в двигающихся своих упругих струях, увлекла куда-то в глубину.

Ганси зажмурился и стал спокойно тонуть. Собственно, Ганси тонуть не собирался, он только расчетливо ждал, когда отец его, великий охотник Дмитрий Киля нырнет сюда, в сумрачную глубину, и вытащит его туда, где солнце и тепло. Но отца не было. Тогда Ганси рассердился и, размахивая руками, всплыл вверх.

Отец сидел верхом на перевернутом обласе. Увидев Ганси, он отвернулся и стал петь про то, что с ними случилось. Ганси пытался забраться на облас, чтобы сесть верхом, как его отец. Но руки скользили о заплесневевшее днище, и он снова тонул, и скользкая студеная вода снова душила его в гудящей темноте.

ЭР01037

ДВГНБ

Вынырнув, Ганси закричал:

— Возьми меня к себе, а то я укушу тебя за ногу.

Отец рассмеялся, поднял ноги, сел на днище обласа, обхватив колени руками, и запел о том, как у одной росомахи родился длинноухий заяц и как ей после этого было стыдно.

Никто никогда не пел в глаза Ганси этой позорной песни, и ему стало жарко от гнева в ледяной воде Амура. Царапая ногтями осклизлое дно обласа, он забрался, наконец, наверх, и, усевшись верхом, долго не мог сказать слова. Потом, ткнув отца в спину кулаком, он сказал:

— Я это тебе запомню, змея с ушами.

Мимо мчались берега, высокие кедры полоскали свои вершины в облаках. Река изгибалась на поворотах, и тогда воды ее урчали от усилий, упираясь с разбегу о землю.

И только в своей избе отец сказал Ганси:

— Ты поступил, как лягушка, которая квакает неизвестно почему. Охотник просит помочь только тогда, когда он сделал все, чтобы помочь себе сам. Ты не мужчина. Иди и готовь тесто.

Семь дней Дмитрий Киля не брал после этого своего девятилетнего сына на охоту.

Сивый горбатый медведь, пахнущий пометом и кровью, лежал на боку, прижимая передние короткие свои лапы к распоротому брюху. Отец Ганси сидел перед медведем на корточках и чистил узкий тонкий нож, втыкая его в землю. Из разорванного плеча отца текла кровь. Ганси поднял с земли шапку отца, надергал из нее пакли, срезал кусок медвежьего сала, засунул его в паклю, приложил к плечу отца и плотно привязал веревкой.

Ганси нес красное медвежье мясо, завернутое в бересту, а отец, спотыкаясь от слабости, шагая впереди, пел веселую песню.

— Зачем ты поешь, когда тебе больно? — спросил Ганси.

— Когда мне говорят больно, мне тогда больно. Когда я пою, что мне не больно, тогда я верю больше себе, и мне не больно.

— Но почему же ты все время смеешься?

— Я смеюсь потому, что медведь не откусил мне голову. Я подставил ему плечо и обманул его. И теперь его съедят мухи, а не меня.

И отец продолжал петь сильным голосом, хотя от слабости у него заплетались ноги.

Пять суток преследовал Ганси горностая. Он шел по его следу на снегу, легкому, словно птичьему следу, а горностай все уходил, как только раздавался мерный шелест лыж охотника, подбитых мехом. Наконец Ганси настиг белоснежного зверька. Зверь притаился в развилке еловых ветвей, крохотный, как комочек снега.

Ганси выстрелил.

Отец осмотрел зверька, осмотрел, и на лице его появилось отвра-

ЭР01037

щение. Размахнувшись, он выбросил горностая и, вытирая руки, сказал:

— Мне стыдно приносить в поселок такую добычу, когда дробина моего сына попала в живот, а не в глаза. Он испортил зверя. Когда нанаец достигает добычу и целится, он становится спокойным, как кусок льда, и у него не прыгает сердце, как хвост у собаки. Когда нанаец целится, у него можно вырезать кусок мяса со спины, и он не заметит этого, пока не выстрелит. Ты нервничаешь, как старый шаман, которому в колхозе первый раз показали кино.

И Ганси было стыдно.

Так отец учил своего сына мудрости охотника. В 12 лет Ганси прослыл хорошим добытчиком и приобрел важность и хладнокровие настоящего нанайца.

Сначала Ганси учился в школе. Когда уходил с отцом на промысел, уроки Ганси готовил в шалаше, занесенном снегом, при свете жирового фитиля. А когда Ганси застрелил первого своего медведя и пришел в школу с каменным лицом настоящего мужчины и плохо отвечал уроки, секретарь комсомольской ячейки на перемене позвала его в пустую комнату класса и сказала:

— Ты хороший охотник, Киля, но ты будешь плохим человеком, если так учишься. А мы верим, что ты большой человек. И поэтому, если ты будешь учиться так, как бьешь зверя, нам бы очень хотелось называть тебя комсомольцем.

Ганси кивнул головой и за последнее полугодие получил «отлично» по всем предметам.

Окончив школу, Ганси хотел уйти в звероловы на дальний промысел. Его вызвали на бюро и сказали:

— Ганси, ты способный человек. Ты должен учиться дальше.

— Мне нечему больше учиться, — гордо сказал Ганси. — Теперь я могу учить других сам.

Ему сказали:

У нас много рыбы, но ловим мы ее мало, потому что каждый себя считает большим охотником и бьет ее острогой вместо того, чтобы использовать большие снасти. Ты должен научить людей правилам большого лова.

Ганси не хотел ловить рыбу — он был зверолов. Он не хотел учиться в рыболовецком техникуме — он хотел учить других тому, чему учил его отец. Он был комсомолец — он обещал чтить все законы комсомола.

Ганси поступил в техникум и окончил его через три года. Он стал мотористом колхозной рыболовецкой флотилии. И колхоз учетверил теперь добычу. Не лопатами весел сгребали теперь нанайцы студеную воду Амура — стальные лопасти винтов мотора гнали вперед их легкие суда. А великим знатоком моторов стал их земляк-охотник Ганси Киля.

ЭР01037

Ганси изучил все тайные повадки машины и был ее строгим и властным хозяином.

В армии Ганси попросил дать ему не винтовку, а пулемет. Он стрелял из винтовки, как никто. Но Ганси знал также, чего можно добиться от машины, сила которой помножена на ловкость ее хозяина.

Ганси стал пулеметчиком-разведчиком. Как никто другой, Ганси умел ходить ночью и днем по лесу, свободно, как у себя в хате. Никто не мог повторить его охотничьей сноровки, бесшумно и лукаво выслеживать врага.

Перед выходом на задание Ганси договаривался с бойцами, кто, как и что будет делать в разведке. Он задавал вопрос, и люди, которые были старше его, послушно отвечали, потому что у этого юноши с суровым лицом и темными вдумчивыми глазами был опыт, которого не имели они.

Но когда Ганси говорят:

— Тебе хорошо, ты охотник, — Ганси гневно щурил свои глаза, отвечал:

— Я не охотник, я воин.

В бою пулемет Киля работал скупо и точно. Он бил только прицельным огнем. С одного выстрела он поражал врага. Длинных расточительных очередей никто от него не слышал.

Политрук предложил Киля провести беседу с бойцами об уходе за оружием.

Киля принес свой пулемет, разобрал и показал всем сверкающие чистотой его части.

Киля сказал:

— Я не видел такого человека, который забивал бы себе собственный глаз песком и грязью. Но я видел таких бойцов, у которых оружие грязное. А мы все дали клятву беречь свое оружие, как свой глаз. Я иду в бой и не оглядываюсь назад, потому что я знаю: если враг пересилит меня, вы придете на помощь. Но если у вас плохое оружие, оно обманет вас, а враг зарежет меня, и вы будете его пособником. Так скажите мне теперь, смеет ли боец, у которого оружие не в порядке, честно смотреть в глаза своему товарищу?

Мечтой Киля было соорудить глушитель для пулемета. В короткие часы отдыха он просиживал в оружейной мастерской и конструировал глушитель. И он добился своего. Его глушитель гасил звук выстрела почти наполовину.

Ганси воевал всеми силами своего ума, сердца, рук. Он говорил:

— Немец хуже зверя. Я не придумал поганого слова. Но я еще придумаю.

Вместе с командиром отделения Давидом Нипаридзе Ганси ходил в разведку глубоко в тыл врага.

ЭР01037

ДВГНБ

Затаившись в овраге возле шоссе, Ганси бил по транспортам врага точными короткими очередями.

На опушке леса, в засаде, он сутками терпеливо караулил немецкие отряды, чтобы внезапной протяжной очередью ударить по толпе и потом добивать поодиночке. Ганси прослыл в своей части, как мастер огня, и бойцы, идущие в атаку, зная, что их охраняет точный пулеметный огонь Киля, шли всегда уверенно.

И никогда не дрогнула рука Киля во время прицела. Это про него теперь могут сказать нанайцы, что когда нанаец целится, можно вырезать у него из спины кусок мяса, и нанаец не дрогнет.

Так воюет с врагами советского народа сын нанайского народа гвардеец Ганси Дмитриевич Киля, комсомолец из села Троицкое, что стоит на берегу студеной реки Амура.

ДВГНБ

ЭР01037

ФРОНТОВИКИ ТЫЛА

Рассказы Валентины Демениной

Н. ЗАДОРНОВ

1. В ПУТЬ

С детства наслышалась я о Дальнем Востоке. Любила читать о нем, смотреть дальневосточные кинокартины и всегда мечтала увидеть своими глазами огромные новостройки, тайгу, могучие реки.

Сколько интересных рассказов ходило у нас в Ливнах о Дальнем Востоке. Туда уезжали самые смелые, здоровые юноши и девушки.

Почему бы и мне не поехать на Дальний Восток — такие мысли часто приходили мне в голову.

В Ливнах работала токарем на заводе, была стахановкой. Никакой работы никогда не боялась и мне всегда хотелось браться за то дело, которое потрудней.

В наших краях строили большой завод. Свое токарное дело я любила, но мне хотелось узнать, как работают на стройках. Я пошла в строительную бригаду.

Завод построили, и мне еще сильней захотелось на Дальний Восток. Я видела, что могу строить не хуже других. Но на Дальнем Востоке все мне представлялось не таким, как везде, и только дальневосточные трудности казались настоящими.

В 1939 году началась мобилизация молодежи на строительство Амурстали. Это было как раз то, что я искала. Стала проситься в Комсомольск. С завода меня не отпускали.

— Ты тут нужна, — говорил секретарь комитета. — Тут тоже надо строить.

— Нет, уж тут построено.

Он стоял на своем.

— Ну, ладно, — решила я, — и на другой день позвонила в

ЭР01037

обком комсомола. Мне ответили, что комсомольцев, желающих ехать на Дальний Восток, никто не смеет задерживать.

Я помчалась к подругам. Со мной собирались ехать наши девушки — Шура Распопова, Маруся Кирюхина, Валя Зайцева и Валя Авдеева.

В заводе получила расчет и документы. Дома никто не знал, что я уезжаю. А я не хотела говорить об этом раньше времени.

Пришла домой под вечер. У нас сидели гости. На столе самовар, все пьют чай с вареньем. У нас мать варит чудесное варенье из клубники.

Я села за стол и говорю:

— Мама, я уезжаю на Дальний Восток.

Все стали смеяться надо мной. Говорят: «Откройте ей дверь, она на стуле поедет». Никто не верил мне. Тогда это считалось у нас чуть ли не геройством, если кто-нибудь из наших Ливн ехал на Дальний Восток.

Я показала справку об увольнении. Тогда все стали охать и удивляться. Мать заплакала, расстроилась, ей жалко стало отпускать меня так далеко.

Вскоре я распростилась с ней, с братом и уехала.

В Орле мы повидали вербовщиков с Амурстали. Они наговорили нам, что в Комсомольске скоро заканчивается постройка огромного металлургического завода и что туда нужны рабочие разных специальностей. Они уверяли, что строить нам не придется. Это меня совсем не радовало. Неужели на мою долю не останется настоящих трудностей, думала я.

Мы получили путевки и тронулись в далекий путь.

Подъезжая к Комсомольску, волновались. Наслышались мы о нем и дома, и в пути разных рассказов. Ожидали вот-вот увидеть в окнах огромный город, большие заводы.

Подошел поезд. Мы выбрались из вагона на мокрый перрон. Шел дождь. За вокзалом тянулся какой-то забор, а дальше во все стороны, куда хватал глаз, торчали пеньки и белел невеселый березняк. На дорогах повсюду липкая грязь по колено.

— Да где же Комсомольск? — стали мы расспрашивать у пассажиров.

— Комсомольск дальше.

— А где Амуртяж?

— Вот бегите прямо, — посоветовал мне какой-то пожилой гражданин.

Я решила, раз говорят «бегите», значит близко. Оставила девушек с вещами, а сама побежала. На пути попался мне барак, потом другой. Кругом березовый лес, кое-где торчат кочки, повсюду вода, ноги у меня промокли.

Припустил порядочный дождик. На лужах пошли пузыри. Бегу и думаю, а где же Амуртяж... Наверно, дальше. Должно быть, очень далеко, ведь большой завод издалека видно.

ЭР01037

Вдруг из какой-то избенки выскочил молодой парень и окликнул меня:

— Вы куда бежите?

— Я? На Амуртяж...

— Ну вот это к нам. Заходите сюда.

— Боже мой! Вот так Амуртяж! — не удержалась я и всплеснула руками.

2. ПЕРВЫЕ ДНИ

Дождь все лил. Мы забежали в избенку. Парень, встретивший меня, оказался секретарем комсомольской организации Коникова.

— Я увидел вас в окно и сразу догадался, что к нам, — говорил он. Коников позвонил в гараж, вызвал машину и съездил на вокзал за девушками.

В тот же день мы отправились в отдел кадров. Машина шла мимо строительства. Сердце мое радостно забилось. Так вот где придется нам работать.

За опушкой леса нарыты горы земли. Около огромного котлована работает экскаватор. Кругом лес, за лесом сопки. Вид был настоящий дальневосточный.

В тот же день мы столкнулись с первыми трудностями.

— Вы сами видите, какие у нас работы, — говорил нам начальник отдела кадров. Он, должно быть, беспокоился, что мы потребуем работы по специальностям. — Я могу предложить вам пойти на котлован.

— Давайте работу, какая есть, — отвечали девчата, — мы строить ехали.

Жилье отвели нам в незаконченном досчатом павильоне. Крыши на нем не было. Коников пошел туда с нами. Он подбадривал девчат, помогал нам устраиваться, таскал откуда-то койки, принес одеяла, простыни. Пришел прораб Николай Гаврин.

Мы рассказывали ему, как собирались ехать и каких басен наслушались по дороге про Комсомольск.

— Вам попались какие-то трепачи, — сказал Гаврин, — надо было правду говорить. Ведь все равно не испугались бы, поехали?

— Конечно, поехали бы, — хором ответили девчата, — хоть завтра же на работу пойдем.

— У меня всем хватит работы, — продолжал Гаврин. — Мы хотим участок сделать комсомольским, строить его силами одной молодежи.

Коников и Гаврин ушли. Мы ложились спать. За перегородкой устраивались спать парни, приехавшие в этот же день пароходом. Была ночь, над нами ярко светили звезды.

— Ну, Валя, значит дождик кончился, — сказала Зайцева, — можно спать спокойно.

ЭР01037

— Погоди еще, — отозвался из-за перегородки густой бас. — Начнет ночью строчить, как из пулемета.

Одна из наших девушек расстроилась. Она уселась на койку, обняла колени и заплакала.

— Таська, ты чего?

— Я боюсь тут спать.

— Вот чудачка, да чего же бояться?

Тася вдруг заревела во весь голос и выбежала из павильона. Мы вскочили с коек и кинулись за ней. Таси нигде не было. Она убежала в тайгу. Мы пошли к секретарю комитета. Он испугался. — Как же так, приехал человек и убежал в тайгу...

Коников достал фонарь. Мы пошли в тайгу. Тасю нашли у сопки, на пеньке. Вокруг нее тучей вилась мошка и комарье.

— Как они тебя не съели?

Но на комаров Тася не обращала внимания.

— Я не хочу в павильоне жить, — твердила она, — там сыро и холодно.

На другой день Коников добился, чтобы Тасю поместили в один из готовых домов. Она ушла, а мы остались в павильоне большой и дружной девичьей семьей, готовые помогать друг другу, делить вместе все печали и радости.

Бывало, если ночи холодные, мы составим койки, уляжемся тесней, накроемся всем, что у нас есть, и опять станет нам тепло.

Назавтра, в ночь мы вышли на работу. Настроение у всех было торжественное. Мечта наша исполнилась, мы шли строить Амурсталь! Гаврин поставил нас на земляные работы — делать насыпь для железной дороги.

— Ну, а ты будешь шофером, — сказали мне.

— Каким еще шофером?

— Тачку катать... и шофером и машиной. Отвозить землю.

Без шуток у нас не обходилось ни одно дело. На самых трудных работах комсомольцы никогда не унывали. Так началось с первых дней...

Я присматривалась в эти дни к стройке. Жизнь тут была особенная — быстрая, шумная. День и ночь мимо нас шли грузовики. Работы велись повсюду. В тайге строился поселок. Прокладывалось шоссе. Каждый день на стройку прибывала молодежь.

В первый день, когда я глянула на бараки, я никак не могла подумать, что в них есть клуб, библиотека, что тут бывает кино.

В клубе по вечерам полно молодежи.

— Девчата, а сегодня здешний праздник, — как-то поутру разбудила нас Зайцева. — Комсомольску семь лет.

Вечером в клубе выступали комсомольчане. Они рассказывали, как строили город и жили в шалашах, как в тайге под снегом искали мороженую ягоду, чтобы не заболеть цынгой.

День за днем мы втягивались в работу. На котловане стали перевыполнять нормы.

ЭР01037

— Это не девушки, а ударный батальон, — подшучивали над нами парни.

Недолго пришлось мне работать в девичьей бригаде.

Однажды Коников собрал нас.

— Организуется большая комсомольская стахановская бригада под руководством Славинского. Эта бригада будет возводить фундаменты. Работа срочная и важная. Кто из девушек пойдет в эту бригаду?

— Пойти в мужскую бригаду, — подумала я, — вот где будут настоящие трудности.

Жаль мне было покидать подруг, но желание померяться в работе с опытными стахановцами-мужчинами было сильнее.

Я вызвалась итти работать на фундаменте.

— Одна какая-то рисковая нашлась, — говорили парни.

На другой день я вышла с мужской бригадой.

Славинский посмотрел на меня, покачал головой и сказал: — куда ее!

3. ПОДРУГА

Славинский поставил меня на подвозку песка и цемента. Я возила рикшу с раствором бетона. Сначала у меня болели руки от этой работы, но я знала, что надо привыкнуть и дело пойдет. День ото дня работала лучше, рикша стала слушаться меня на поворотах и катилась быстрее.

У Славинского работали комсомольцы, приехавшие на стройку в одно время с нами. Это были ребята ловкие, быстрые. Я старалась не отставать от них и вовремя подвозила раствор.

Вечера мы проводили в павильоне. Я подружилась с Олей Мнишенко. Она киевлянка, а я орловская — мы рассказывали друг другу про свои родные края.

Она скучала по своей маме, а я по своей. Мы, бывало, читали друг другу письма из дому.

Теплыми летними вечерами мы уходили гулять в тайгу, на сопку. Садились в тени под дубами, вспоминали дом, материнские заботы.

— Мы с тобой подошли друг к другу, — говорила Ольга.

В павильоне мы поставили свои койки рядом. Вместе ходили с Ольгой в клуб на собрания, стали изучать историю партии.

Оля работала в бригаде девушек-бетонщиц, у Нади Светус. Славинский к тому времени поставил меня на бетонные работы. Вскоре я стала стахановкой.

Наступила зима. Сопки покрылись снегом. В ноябре мы с Ольгой перешли из павильона в барак, в большую и теплую комнату.

На работе я уже не чувствовала себя новичком. Наступали холода. Работа шла ударными темпами. Помню, Славинский однажды сказал:

— Мы по норме должны уложить в день 75 кубометров бе-

ЭР01037

тона. Но, если мы уйдем из тепляков на ночь, все замерзнет. Поэтому нельзя окончить работу прежде, чем не будут уложены все 200 кубометров.

Работали день и ночь. Уложили все 200 кубометров. Мы устали. Трудно было работать целые сутки, но зато как радостно было потом смотреть на свои труды!

Вскоре Оля перешла в нашу бригаду. Я почти не разлучалась с ней.

— Мы с тобой копали землю, кайлили, возили рикши, а теперь обе стали заядлыми бетонщицами, — говорила Ольга.

В ноябре наша бригада получила красное знамя за хорошую работу. Славинский выступал на собрании и похвалил меня.

— Девчата нам пригодились, — говорил он, — все ребята признали, что они хорошо работают и уже больше на них не ворчат, как в первые дни.

Я была рада этой похвале. Я помнила, как Славинский покачал головой и что он сказал, когда я пришла к нему в бригаду.

Теперь я была благодарной ему. Он помог мне стать стахановкой, научил работать.

В декабре комсомольцы нашей бригады выдвинули меня в городской Совет. Прошли выборы. Я стала депутатом.

Ко мне приходили с просьбами и жалобами избиратели. Я помогала им, добивалась для них квартир, дров, заставляла наводить чистоту в бараках, ссорилась с комендантами, требовала, чтобы в общежитиях был кипяток.

В бригаду к нам пришли новые рабочие: Булатик Валиахметов, Мурзахан Минибаев, Гариф Мухамадеев. Я знала их раньше. Они были летом на земляных работах. Бывало, придем сменять их, а Булатик никак не хочет уступать место. Бьет кайлой грунт до тех пор, пока не выполнит, сколько задумал.

Теперь Булатик был у нас.

Однажды Гаврин сказал мне:

— Начинаем работы по изоляции бетона, будем бетон мазать смолой, чтобы его не разъедала грунтовая вода.

Стояли сильные морозы. Были самые холодные месяцы зимы. Мы работали так быстро, что сбрасывали с себя стеганые куртки и оставались в одних комбинезонах. Гаврин нас бранил за это, но мы его не слушали.

— У нас еще никто не болел, — возражала Ольга, — нам жарко, мы заколдованные от мороза.

В эту зиму в бригаде не было ни одного случая простуды.

Гаврин предупредил нас, что смолу надо разводить бензолом. Как-то раз падал снег. В котле с горячей смолой образовалась какая-то пена. Я подумала: нельзя ли охладить смолу, может быть она перекипела. Я плеснула в котел ведро воды. Раздался взрыв. Вся смола вылетела из котла. Меня забрызгало горячей смесью. Сбежался народ. Котел был пуст.

ЭР01037

— Я говорил, что воду нельзя лить в смолу, — кричал на еня Гаврин. У меня все лицо было в смоле. Я попробовала вы-ыть его бензолом и не рада стала. Лицо горело. У Ольги, на еня глядя, слезы из глаз катились.

За то, что я мазала бетон и за то, что сожгла себе лицо смолой евчата прозвали меня богомазом.

Когда Ольга куда-нибудь уходила работать, мне было скуч-ее. Я придумывала себе разные развлечения. На готовых фунда-ентах поверх смолы выводила краской большие буквы ДВС.

Как-то раз к нам приехал начальник из Хабаровска.

Он ходил по стройке, увидал буквы на фундаментах и оста-овился.

— Что такое ДВС? — спросил он.

— Это у нас стахановка размалевывает, — уклончиво ответил аврин.

— Ну все же, что такое ДВС? — допытывался он.

4. ВЕСНА В ТАЙГЕ

— Что такое ДВС? — подошла я... Мне неловко было при-наться, что ДВС — это Деменина Валентина Семеновна.

— ДВС — это дальневосточная сталь, — выпалила я.

— А-а! Ну, вот это хорошо, какая вы молодчина! — похвалил еня старичок и пошел дальше.

Весной я и Славинский поехали в Хабаровск. Нам поручили т имени строителей Амурстали приветствовать краевую партий-ую конференцию.

На конференции говорили о создании совхозов при боль-их стройках. Мы ехали из Хабаровска и мечтали, что когда-ни-удь будет у нас на Амурстали свой совхоз, своя картошка, ово-и, а может быть и фрукты...

Как-то раз поздно вечером ко мне постучался Славинский. Он кил в бараке через дорогу.

— Валя, тебя зовет Гаврин. Приходи ко мне.

Я оделась и побежала к Славинскому. Там сидели наши ребята.

— Есть срочное дело, — сказал Гаврин, — организуется сов-оз, вашу бригаду перебрасывают на раскорчевку, на организацию овхоза. Я с вами поеду. Буду вашим бригадиром, а Славинский оим помощником.

На другой день чуть свет нам подали грузовик. Всей бригадой ы поехали в совхоз. Начиналась весна, снега таяли, в воздухе ыло по-весеннему тепло.

— А где же совхоз? — спрашивали ребята.

— Погоди, сейчас увидишь, — отвечал Гаврин. Машина вдруг остановилась. Кругом была тайга.

— Вот вам и совхоз! — Гаврин сказал это так весело, как будто приготовил нам какой-то подарок.

В тайге мы нашли старую землянку. Взялись за лопаты, расши-

ЭР01037

рили ее, покрыли жердями. Ребята сделали топчаны. Около землянки развели большой костер.

Бросили жребий, кому быть сегодня поваром.

Пришлось мне. Каша у меня пригорела. Я думала, что ребята рассердятся.

— Каша ничего, хорошая, — хвалили за обедом.

Спать в землянке было холодно. Ночью ударил мороз, и мы здорово мерзли. Назавтра Гаврин съездил на стройку и привез железные печки.

— Нас много, а девушка одна, давайте ее отгородим, — сказал Славинский.

Около моей койки натянули простыню.

— У нее отдельная комната, — смеялись ребята. Они бывало стучат в доску: — Товарищ Деменина, к вам можно?

Вскоре приехала Ольга и стало мне веселей. Мы с ней наводили чистоту в землянке. Гаврин каждый день назначал в помощь нам дежурных.

На поляне мы выстроили для будущего совхоза теплицы и принялись за корчевку.

Я работала с Ольгой и с Егором Яндылетовым. Деревья на нашем участке были высокие и толстые и как подступиться к ним, мы не знали.

— Давай подрубим корни, — сказал Егор.

Подрубили, стали толкать лесину.

— Нет, стоит, как святая, — сказала Ольга.

Пришел Гаврин.

— Вы чего мучаетесь? — Он вырубил вагу, заложил под корни и прыгнул на нее... Дерево покачнулось и стало валиться.

Красное знамя нашей бригады, полученное за бетонные работы, мы привезли с собой в землянку. Ставили его у койки того, кто лучше всех работает. Сначала знамя было у Бородулина.

— Вот бы нам его взять, — мечтали мы с Ольгой.

— Не волнуйтесь, будет наше, — говорил Егор.

На третий день мы выворотили сто пеньков.

— А наши девушки дали сегодня шестьсот процентов, — сказал вечером Гаврин.

— Не может этого быть! — удивились ребята. Пошли считать. Верно, оказалось сто пеньков. Знамя стало наше. Его поставили около нашей занавески.

За месяц мы выкорчевали тысячу корней.

Наступили теплые дни. С гор хлынули воды. Однажды ночью к нам в землянку прибежал недавно назначенный директор совхоза. У него на теплицах завалились трубы. Вешняя вода размывала их.

— Горе мне, борова завалились! — твердил он.

— Ребята, по коням! — скомандовал Гаврин. Мы вскочили с коек и побежали на парники.

ЭР01037

— Валя, становись на этот боров со мной, — сказал Вася Шибанов. Мы замесили глину и принялись за дело. На другой день готовы были новые хорошие трубы.

По утрам нас будил треск трактора. В совхоз прибыли трактористы. Они жили в отдельной палатке. На рассвете тракторы подъезжали к нашей землянке. Мы просыпались и уходили на пахоту.

Была весна. В эту пору всегда куда-то стремишься, хочется путешествовать.

А мы жили в тайге в землянке. Нас никуда не влекло. Как раз о такой жизни мечтали мы, уезжая на Дальний Восток.

5. ДРУЖБА

Я была плугарем, убирала пеньки, чистила лемехи. Тракторист Свистунов обучил меня управлять машиной. Я уже умела заправлять, заводить трактор, ознакомилась с управлением.

Через месяц я стала трактористкой и самостоятельно пахала. Ольга, работая на плуге, тоже изучала трактор. Мы вспахали все свои росчисти.

Вскоре закончилась пахота и началась посадка картофеля. Я часто ссорилась с Яндылетовым. Он садил картошку по-своему — косяками.

— Сади по-нашему, а то плохо уродится, — говорила я ему.

Около нашей землянки пробегал горный ручей. Его запрудили, сделали плотину. Когда началось таяние снегов — набежал большой пруд.

— Летом купаться будем, — говорила Ольга.

Зазеленел лес, в тайге зацвели красные и желтые лилии. Начались всходы на совхозных полях. Я с радостью заметила, что на моих распашках всходы были хороши. Это потому, что я делала глубокие борозды.

В июне мы пропололи картошку и огурцы. Обычно каждый вечер Гаврин собирал нас около землянки и говорил, что будем делать дальше.

Однажды он сказал:

— К нам в совхоз идут телята и коровы. Будем плотниками, надо построить телятник и коровник.

Мы пошли строить...

Ручей журчит по камням. Стоит березняк, а за ручьем ельник.

— Надо снять все эти деревья, — сказал Гаврин. — Тут построим скотный двор. Будет большая усадьба.

Бывало, надрубят березу, сок брызнет, а мне больно смотреть.

Мы с Ольгой очищали деревья от коры. Гаврин подойдет, возьмет топор и поднесет к лицу.

— Бриться хотите топором? — спросим мы.

— Пойдешь с работы, надо топор заточить, — строго ответит он. Любил острые топоры.

ЭР01037

В июле мы собирали мох для построек. Телятник, два коровника и два свинарника вскоре были готовы. Потом строили овощехранилище.

Жили мы с Ольгой дружно. Утром вставали до рассвета, топили печку. Выйдем из землянки. Кругом синеют горы. Воздух чистый, свежий, в теле бодрость, на душе радостно. По холодку, босые, бежим на пруд, купаемся. Потом завтрак и на работу.

Но вот пошли дожди. Вода в пруде прибывала. Дамбу вдруг прорвало, и вода стала уходить. Все мы побежали на плотину. Я забралась по грудь в воду и брела к прорыву. Ольга не отставала от меня. Гаврин увидел нас в воде у плотин и рассердился. Ребята прогнали нас домой.

За то, что мы взялись не за свое дело, Гаврин дал нам наряд вне очереди. Ребята исправили плотину, положили дубовые клети, засыпали их песком. Пруд снова наполнился. Вскоре наступили хорошие дни, и мы опять ходили с Ольгой купаться.

Булатик, Гариф и их товарищи сначала сторонились нас. Они плохо разговаривали по-русски, старались держаться отдельно. Мы с Ольгой стали их учить русскому языку. Они вскоре привыкли разговаривать с нами по-русски, стали нам читать письма с родины. Булат все звал меня в свои родные степи.

Гаврин занимался с нами по истории партии. Булат и его товарищи завели себе книги и стали посещать наш кружок.

Я была бы совсем счастлива, если бы не скучала о доме. Както раз мы с Ольгой сидели вечером на кухне, писали письма и так, сидя за столом, раздумались о матерях и обе враз уснули.

Нас разбудил Гаврин. Мы удивились. Было уже утро. Мы лежим головами на столе. Рядом написанные письма и на них камешки, чтобы не унесло ветром.

Сами положили мы эти камешки спросонья или кто-нибудь из наших товарищей позаботился — я до сих пор не знаю.

Может быть, это Булат не решился разбудить нас?

6. НОВОЕ ДЕЛО

Вскоре совхоз был построен. Стали прибывать штатные рабочие. 24 августа расстались мы с тайгой, с ручьем, с прудом, с милыми нам полями и возвратились на стройку.

Осенью нам дали квартиры в новых домах. Зимой мы опять клали бетон. Работа была знакомая. В совхозе мы поздоровели, жили там, как на курорте, и теперь работали изо всех сил. Выполняли в сутки по пять-шесть норм.

Наступил 1941 год. В январе, в самые морозы нам пришлось долбить в мерзлой земле ямы. Эта работа очень трудная, а мне дали норму наравне с мужчинами.

— Что буду делать, как кайлить мерзлую землю? — подумала я. — Надо что-то придумывать. При всей энергии на этой работе не справиться с мужчинами.

ЭР01037

С вечера разметили мы, где долбить. Ночью я натаскала дров и зажгла на своих ямках костры. Часа через два пришла проверить, как они горят. Утром вышла на работу пораньше, убрала головешки и все засыпала снежком.

Собралась бригада. Начали работу. Всем приходилось трудно: чуть-чуть подается застывшая глина и галька. А я работаю быстро. Все удивлялись: что такое, почему Деменина лучше нас работает, что у нее — земля другая? Кто-то, желая узнать, какая у меня земля, попробовал кайлить рядом со мной и стал как раз там, где я не разводила огня. Земля оказалась мерзлая, такая же, как и у всех.

Часа в три дня я выполнила задание. Вечером рассказала ребятам, как я их обогнала. Все смеялись, слушая меня: ведь это было так просто! В ту же ночь мы зажгли много костров и поставили дежурного, чтобы он поддерживал огни до утра.

С тех пор земляные работы пошли быстрее.

В феврале мы работали на кирпичном заводе. Построили там сушило. Славинский сделал меня своим заместителем. Когда его не было, я руководила работой бригады.

Как-то раз сидели мы в сушиле. Подошел Гаврин, позвал меня. Мы пошли с ним в контору. Там сидели какие-то девушки, их было человек двадцать.

— Вот тебе бригада, — сказал Гаврин. — Ты будешь начальником над этими девчатами.

Это были штукатуры, только что окончившие учение. Я чуть не заплакала, так мне не хотелось уходить от Славинского. Но я знала, что надо браться за новое дело.

Я стала бригадиром штукатуров...

— А как же теперь Ольга? — подумала я. Я не хотела расставаться с ней.

7. ВОЙНА

С девичьей бригадой я работала на кирпичном заводе. Мы штукатурили сушило. Пришлось мне обучаться новому делу.

Ольга не хотела расставаться со мной. Она перешла в мою бригаду и тоже стала штукатуром.

— У нас с тобой дружба навек, — говорила она. — Куда ты, туда и я...

За весну мы отделали несколько сооружений. Летом меня поставили во главе большой молодежной бригады. У меня было 47 рабочих: бетонщики, монтажники, штукатуры, каменщики, плотники.

С девушками-штукатурами я подружилась. Тася Буланова, Тася Гудовских, Маруся Порина, я и Ольга Мнишенко были неразлучны. В первые дни работы я часто ссорилась с Тасей Булановой. Она работала хуже других и мало зарабатывала. Бывало, все работают, она сидит.

ЭР01037

— Ну девушка, надо работать без «ну» и безо «всякого», — не раз говорила я ей. Мы ее поставили рядом с Ольгой. Мнишенко помогала Тасе, показывала способы быстрой работы. В первый же месяц бригада наша выполнила две нормы. Мы получили переходящее красное знамя. Тася увлеклась общей дружной работой и вскоре стала перегонять по выработке своих подруг. Она стала стахановкой, хорошо зарабатывала, повеселела.

Как-то летом получила я письмо из дому. Сестры и братья мои подросли и разъехались. Мать писала, что скучает обо мне. После этого письма я ночь не спала, все думала о матери, представляла себе, как она там живет. Мне захотелось съездить домой. Решила, что к осени надо будет поехать погостить в Ливны.

Вечером 22 июня вызвали меня в партбюро. Мы сидели с секретарем и разговаривали о производстве. Вдруг раздался телефонный звонок. Секретарь поднял трубку, стал слушать и с лица переменился.

Потом он сказал:

— Германские фашисты предательски напали на Советский Союз. Надо немедленно действовать. До 5 часов утра оповестить всех рабочих. На утро назначается митинг.

Ночью я бегала по баракам. Известие о войне взволновало меня. Я на ходу обдумывала, как теперь надо работать, чтобы лучше помочь фронту. Мне и на фронт итти хотелось, и в заводе работать.

В бараках народ жил мирной жизнью. О войне еще никто не слыхал. В одном бараке была свадьба, стол был — полная чаша. Народ веселился.

— Смотри, если брешешь, тебе мало не будет, — пригрозили мне.

Не сразу поверили, что началась война.

Как-то не укладывалось это в голове. Как же так: мы жили, строили, никого не задевали и вдруг бандитский налет на нашу землю, бомбежка городов ни за что, убиты сотни мирных людей.

Утром масса народа заполнила площадь. Митинг затянулся. Выступали рабочие. Они клялись работать для фронта, не покладая рук.

Ольга тяжело переживала известия о разбоях немцев на ее родине. Но она не плакала и полна была решимости сделать все, что будет надо.

С первого же дня войны все мы стали работать с удвоенной энергией. Повсюду шли разговоры о войне. Все кляли Гитлера. В перерывы рабочие толпами собирались на улицах поселка у репродукторов и слушали сводки Информбюро.

Я собрала свою бригаду.

— Будем работать день и ночь, — сказала я, — докажем, что

ЭР01037

Комсорг ЦК ВЛКСМ на заводе Амурсталь В. Деменина

мы тоже бойцы... — Всем нам было не привыкать работать и мы взялись за дело по-боевому.

В бригаду мне дали выпускников школы ФЗО — Тимофеева, Березина, Сафронова и Климентьева.

— Вот тебе, Валя, молодые парни, — сказали мне, — будешь их воспитывать.

— Куда мне их? — воскликнула я. — Что я им, мать? Меня самое надо воспитывать!

Шутки шутками, но пришлось браться и за это дело. Ребята быстро освоились с нашей работой. Вскоре у них начались занятия по всевобучу. Тимофеев часто рассказывал мне, что он хороший лыжник, стрелок. Он все мечтал поехать зимой на фронт добровольцем.

Я сама просилась на фронт, но меня не пустили.

— Тут тоже фронт, — сказали мне, — знай свое дело, доводи его до конца.

Однажды мы проработали три смены подряд. Ночью к нам пришел Гаврин. Мы штукатурили, а он помогал нам. На объекте ярко горело электричество. Мы решили не уходить домой до тех пор, пока не окончим работу. Чтобы веселей работалось, мы хором пели песни. Гаврин был запевалой. Проработали ночь и еще день.

ЭР01037

— Как у вас силы хватило? — потом спрашивали нас.

— А мы отдыхали, когда опаздывал раствор, — отшучивалась Тася Буланова. Она теперь работала отлично.

А Маруся Порина после трехсменной работы еще сходила в кинотеатр, посмотрела новый журнал об отечественной войне.

8. ФРОНТОВАЯ РАБОТА

В августе я подала заявление о приеме в партию. С волнением ожидала дня, когда меня вызовут на заседание бюро горкома. Себе я дала слово еще лучше работать на производстве, отдавать все силы для победы. Время было тревожное. Враг рвался к сердцу родины — к Москве. Именно в эти дни в партию вступали многие стахановцы заводов и строек. Я полна была решимости сделать все, что потребует от меня партия, мне поскорей хотелось доказать на деле, что могу исполнить любую работу, любое задание.

Настал, наконец, знаменательный день моей жизни. Меня вызвали на бюро горкома. С утра настроение было приподнятое. Работала в этот день с особенной энергией.

Вечером я поехала на заседание бюро горкома партии.

Мне задавали вопросы по истории партии. Я недаром изучала в совхозе «Краткий курс» и отвечала на все вопросы. Со мной беседовали о международном положении и о производстве. Я рассказала, как работала землекопом, потом бетонщиком, лесорубом, плотником. Как строила совхоз.

Меня приняли в кандидаты партии и вручили кандидатскую карточку. Я подробно написала матери, как меня принимали в партию, мне хотелось поделиться с ней своей радостью.

В декабре комитет комсомола отправил меня на ответственный участок инструктором стахановских методов. Там сначала меня не хотели признавать десятники. Я стала помогать сварщикам, готовила им фронт работ, ездила за кислородом, доставала карбид.

Десятник Гончаров сначала все ворчал на меня.

— Вот какая-то явилась командовать парадом. Сюда ей лошадь, туда ей лошадь.

Стахановцы участков работали по-фронтовому. Особенно отличались молодые ребята — Александр Муратов и Алексей Цыганков. Однажды Муратов насмешил меня. Пришел и говорит про себя: — Я трутень.

— Да ты понимаешь, что такое трутень? — урезонивала я его. — Ты выполняешь за смену две-три нормы. Какой же ты трутень?

— Нет, я трутень, — твердил он. — Люди на фронте жизни не жалеют, а мы что? Разве это работа?

Он никогда не был доволен результатами своего труда и день от дня старался работать лучше.

ЭР01037

Как-то раз на одном из (раз станет, что прошла эта, какая-й. Нехватило кислорода. Не бы- зато какое счастье видеть на и. Я побежала по заводу. Смотрю, е, в каждой части которог участка тов. Севалкина стоит машина.

— Чья машина?

В кабине сидит моя знакомая стажерка Лида. Я ей говорю: — поедем со мной за кислородом.

— Я еще не умею сама управлять, — ответила она.

Ключи были у нее. Шофер сидел в конторе...

— Что делать? Просить машину у Севалкина? — Не даст, — подумала я...

Я решила рискнуть. Ведь стахановцам угрожал срыв графика. Я побежала на участок и позвала с собой электросварщика, который раньше был шофером.

Мы поехали и привезли кислород. Хозяин машины все это время просидел в конторе и не хватился. Я вошла к Севалкину и говорю:

— Я на чьей-то машине прокатилась за кислородом.

Шофер вскочил: — На какой?

— Мой был шофер, а твоя помощница, — ответила я.

— Безобразие, безобразие! — раскричался на меня шофер.

Девушек-штукатуров я не забывала. Дружили мы попрежнему.

— Что ты теперь делаешь? — спрашивали они меня. Им хотелось, чтобы я работала в их бригаде.

— Что делаю? Бегаю, — отвечала я. — Теперь я начальник, — куда пошлют... Вожусь со сварщиками... что надо разметить, сделать отвод, крестовину, чертовщину, мало ли дела... Нашумлю, накричу, меня и обеспечат...

— Ты у нас нужнее, — говорили девчата.

— Нет, тут я больше пользы приношу, — возражала я.

9. ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Мне написал с фронта брат: «Ты там тихо воюешь, а я тут кидаюсь, со зверями борюсь». Много ему писать некогда, прилег в кустах и начеркал открытку.

Ливны были захвачены немцами. Я не знала, что с матерью. Не знала, живы мои родные или нет.

Все мы понимали, что только неустанный труд может приблизить победу. Мы по неделям не уходили с завода.

Бывало, встречу соседку и спрашиваю:

— Ну, как там мой дом, еще не сгорел?

— Цел твой дом. — смеется она, — работай по-стахановски!

Я ходила по баракам, работала агитатором. Читала сводки Информбюро, рассказывала о войне. Работать агитатором стало труднее. Мне задавали много вопросов. В бараках собирались старики, они народ нетерпеливый, хотят, чтобы скорей была победа. Начнут вспоминать, как дрались в прошлые войны, кто как воевал... Иной раз я сама заслушивалась их.

ЭР01037

— Как у вас силы хватило? — поали бы после войны мне, — го[illegible] — А мы отдыхали, когда опаздывю Толстого, — я бы с ними пого[illegible] Буланова. Она теперь работала

Одн[illegible]аруся Порина после трехсшла записку от Ольги. Она уехала в Сталинс[illegible]ела новый[illegible]рсы машинистов.

Получила письмо от Коникова. Он давно уехал из Комсомольска. Теперь он был в армии, в авиачасти. Узнала я, что Тася, — та девушка, которая в первый день нашего приезда убежала в тайгу и не захотела жить в павильоне, — теперь тоже на фронте. Она медицинская сестра. Я была рада за нее. Значит, теперь она не боится холода и сырости, — подумала я. Жизнь на стройке видно закалила и ее.

В январе меня снова послали на первый участок бригадиром фронтовой бригады. Мне дали 100 рабочих. Мы объявили себя фронтовиками.

В эти дни приходили известия о победах Красной Армии.

Мы тоже воевали; по суткам не выходили из цеха. Все работы были закончены раньше срока.

Это было на том участке, где мне знаком каждый фундамент, каждая стена. Под этими сооружениями я копала котлован, возила землю, клала бетон. Здесь, где-то глубоко под землей — мои фундаменты с буквами ДВС. Тут все мне родное и близкое.

Работая на этом участке, моя бригада заняла в соревновании фронтовиков первое место. Я получила почетное право первой пустить в эксплоатацию одно из новых сооружений...

Как жаль, что в эти счастливые дни Ольга не была со мной. Она часто писала мне, что скучает по Амурстали...

Секретарь комитета комсомола послал ей телеграмму об успехах нашей бригады...

Получила письмо с родины. Писала подруга моей сестры. Ливны были освобождены. Моя мама беспокоилась обо мне. Брат был у фашистов в окружении, но вырвался и снова пошел на фронт.

Я получаю много писем со всех концов Дальнего Востока. Пишут мне и моряки, и бойцы, летчики, стахановцы, служащие. Одни поздравляют меня с успехом, благодарят за работу, другие хотят со мной познакомиться.

— Валя, приятно сознавать, что мы оберегаем труд таких граждан, как комсомольцы рабочие Амурстали, — писал красноармеец пограничник т. Поркин.

Присылают письма в стихах...

Пишут и наши товарищи, работавшие в бригаде Славинского.

— Валя, передаю вам свой красноармейский привет, — писал из армии Митя Бородулин. Письмо он начинал с приветов Ольге, Славинскому, Шибанову, Гарифу, Мурзаю... Писал, что службой доволен, что никогда не забудет всех нас.

[illegible] вспоминаю, как мы с ним по колено в воде работали

ЭР01037

на котловане. Жалко иной раз станет, что прошла эта, какая-то особенно счастливая пора. Но зато какое счастье видеть на месте тайги грандиозное сооружение, в каждой части которого есть доля и нашего труда.

Весной правительство наградило меня за работу на Амурстали орденом Ленина... Я сначала не поверила своим ушам, когда услыхала Указ. Меня — орденом Ленина! — думала я. — Как-то не укладывалось в голове, что мне дали эту высочайшую награду...

Я знала, что впереди много работы, и поклялась еще лучше работать, чем прежде, сделать все, что надо будет для разгрома врага.

Иду на работу, как в бой

Рассказ бригадира фронтовой бригады завода имени Горького
АЛЕКСАНДРА МАТВЕЕНКО

Утро. Уже совсем светло. Встаю с постели и с каким-то беспокойством, даже с тревогой, смотрю на часы. Не опоздали ли?

Вчера с завода вернулся поздно. Кажется, во втором часу ночи. Дома все уже спали. Но стоило мне появиться, как квартира наша ожила и загудела. Мать принялась рассказывать о Михаиле, моем брате-фронтовике. Сегодня от него получили письмо. Михаил поздравляет меня: узнал, что моя бригада завоевала звание фронтовой. Он знает, кто в бригаде отличился.

Отец стал расспрашивать о делах на заводе, в бригаде. Я рассказываю, все слушают. Чувствую, как в сердце моем бьется радость. Приятно, что вся семья наша живет заботами и радостями завода.

Мать замечает мою усталость, спохватывается и набрасывается на отца:

— Перестань ты донимать его расспросами. Дай отдохнуть. Не видишь, устал он.

Отец, смущенный, затихает. Спать мне остается немного: часа четыре. Сплю и того меньше. Проснулся раньше времени.

Иду на завод. За большим корпусом встает весеннее солнце. Свежо, прохладно. От завода несется мощный, глубокий гул. Там кипит работа. Я весь как-то настораживаюсь. Думаю о брате. Что он делает вот в эту минуту. Может быть, вместе со своими боевыми друзьями идет в атаку... Заводской гул крепнет, растет. Сам того не замечая, иду быстрей, быстрей. Руки сами просятся к труду. Хочется скорее работать.

В цехе встречают ребята. Они уже на своих местах. Один, словно карту, изучает чертеж будущей детали, другой налаживает станок. Пройдет несколько минут и люди начнут работать.

Кто сколько сегодня даст? Как кто из нас сегодня поможет фронту? Об этом у нас не принято много говорить. Это у нас в

ЭР01037

сердце, в крови. Но знает каждый, что здесь вот, в цехе, у станка, идет бой. Знает каждый, что боец Красной Армии нередко вступает в бой против пяти, восьми гитлеровцев. И побеждает! А мы? Мы ведь тоже скроены из того же материала, что и наш красный боец. В наших жилах течет та же кровь. Мы так же крепко и искренно любим родину свою, матерей своих, землю свою.

И каждый из нас помнит всегда: надо трудиться по-фронтовому, по-гвардейски. Что это значит на языке простых вещей? Делать столько, сколько могут сделать пять, десять, двадцать человек.

И это не пустая похвала, не красивая фраза. Это — дело. Сил своих никто у нас не жалеет...

Наш чудесный парень, гвардеец трудового фронта комсомолец Илья Щеглов работал, не уходя с завода ровно четверо суток. Это не так-то легко. Да еще как он работал! Сделал за это время такую работу, которую надо было сделать за 500 рабочих часов.

А недавно этот же Щеглов, наш друг комсомолец, дал 21 норму. То есть один выполнил за смену задание 21 человека.

Конечно, одной силой, одним напряжением мускулов тут не возьмешь. Тут тоже нужна своя хитрость, производственная смекалка и расчет. Наши ребята отлично работают руками и головой. Я с гордостью говорю: все рабочие моей бригады — рационализаторы. Это кое-что значит.

Помню в начале войны как-то собрал ребят на совещание. Говорю им то, что не раз говорил мне мой заводской учитель-мастер Харламов: если заказ большой, не делай вручную, приспособляй, механизируй, изобретай.

Ребята это поняли. Каждый стал думать, как ускорить процесс обработки детали, как сделать в минуты то, на что отведены часы. В это время в бригаде был поставлен первый крупный производственный рекорд.

Добился его молодой рабочий комсомолец Толя Свирский. Ему поручили произвести большое количество деталей. Надо было делать их ручным способом. Он подумал, я ему помог. Сделали штамп, перевели обработку детали на механический способ. И работа пошла по-другому! Комсомолец Свирский дал в смену 15 норм.

Это событие всех нас приятно удивило. Мы поняли, что наши достижения — две-три нормы в смену — очень мизерны в сравнении с тем, чего мы можем достичь.

Пошли дальше. Каждый из нас не только старался, потел, но и больше думал, изобретал. Посыпалось много рационализаторских предложений. Комсомолец Григорий Карионов внес ценнейшее предложение. Его тут же осуществили. Таким образом брак в обработке деталей был сведен к нулю, процесс работы ускорился в 5—6 раз. А в результате: высокие проценты выработки.

В дни отечественной войны внес 25 производственных

ЭР01037

ЭР01037

Знатные стахановцы Хабаровского завода им. Горького комсомольцы-трехсотники (слева направо): слесарь И. Н. Щеглов, мастер фронтовой бригады А. С. Матвеенко и слесарь А. Я. Свирский.

предложений. Все они реализованы. Подсчитано: они уже дали заводу 85 тысяч рублей экономии.

Мы воюем — вот что постоянно помнят ребята моей бригады. В нашем цехе висит переходящее красное знамя. Оно завоевано в напряженном труде. Под этим знаменем мы пойдем дальше вперед и вперед.

Записал Ст. Кузменко

Здесь тоже фронт

Рассказ бригадира комсомольско-молодежной фронтовой бригады хабаровского завода имени В. М. Молотова орденоносца НИКОЛАЯ СПИЦЫНА

Мы стояли у репродуктора и слушали последние известия. Говорила Москва. Каждый из нас затаил дыхание... За скупыми сводками Советского Информбюро мы видели живых людей — таких же простых советских ребят, как мы сами, ясно ощущали всю грандиозность и величие войны, еще не бывалой в истории человечества.

Потом московский диктор начал рассказывать о трудовой доблести стахановцев тыла. Тоже коротко и скупо. И вдруг мы слышим знакомую фамилию: «Шванев». Москва, Советское Информбюро называют фамилию стахановца хабаровского завода имени Молотова — Николая Шванева. Он отличился в труде на пользу родине, своей работой за станком помогая фронту... Приятно нам было и радостно. Гордость за своего товарища, за его успехи — хорошее чувство... И каждый из нас тогда подумал: а что я сделал для фронта? Хорошо ли я работаю? Все ли я отдаю своему любимому делу?

Не секрет, когда началась война, — я, мои товарищи по бригаде, по заводу, как и тысячи других комсомольцев, решили было оставить производство и поехать на фронт, бить гитлеровских бандитов. Но старшие товарищи нам разъяснили: здесь, на заводе — тоже фронт; своей работой мы помогаем фронтовикам ковать победу над врагом... И мы начали работать еще лучше, еще напряженнее. Осваивали новую продукцию, не спали по ночам, по целым суткам не выходили из цеха.

Не легко, конечно, было. Работали изо всех сил, работали, как говорится, стиснув зубы. Бывало, стоит парень за станком, стоит восемь часов, двенадцать, двадцать четыре часа, стоит трое суток подряд — и работает, работает... Кажется, у него мотор вместо сердца, и стальные нервы. Посмотришь на такого — лицо темное, осунулось, словно даже постарел, зубы стиснуты; видно, что устал, а вот глаза блестят, и такая в них радость видна, вдохновение... Да и как не радоваться, если ты выполнил срочный важный заказ, на[ш] выполнил ответственное задание! Ведь каждый из

ЭР01037

нас знал: то, что ты делаешь за своим станком — это помощь фронту, вклад в дело разгрома врага... Да здесь, на заводе — тоже фронт!

Вот почему, когда один из членов нашей бригады — Петр Пасенко — выезжал с делегацией трудящихся Хабаровского края на Западный фронт с подарками, ребята ему сказали:

— Можешь ехать спокойно: мы поработаем и за себя, и за тебя...

Вместо Петра встал к станку его брат Евстафий, работал и за себя и за брата. Каждый из нас работал за двоих, за троих, за четверых. Я сам часто одну смену работаю как бригадир, вторую — как лекальщик, выделываю наиболее сложные, тонкие детали. Наш девиз: не выходить из цеха, пока не выполним задания.

Нас прозвали гвардейцами тыла. Гвардейцы — что может быть почетнее этого высокого звания в дни отечественной войны! Понятно, не сразу мы стали гвардейцами тыла. В нашей бригаде — пятнадцать человек. Ребята все молодые, трудолюбивые, с огоньком. Замечательные ребята!.. Организовалась бригада четыре с половиной года назад. Собственно, что значит — организовалась? Осенью 1938 года я, командир танка, уволился в долгосрочный отпуск и пришел на завод. По специальности я — слесарь-лекальщик. И отец мой был слесарем, и дед был слесарем — всю жизнь проработали на Урале. А я вот стал дальневосточником. И, откровенно говоря, не раскаиваюсь. Крепко полюбил Дальний Восток, сроднился с ним и никуда отсюда, кроме как на фронт, не поеду...

Почти одновременно со мной пришел на завод демобилизованный красноармеец Миша Игначков. Оба мы были воспитанниками Красной Армии, оба — лекальщики. Сдружились. Делали мы мерительные инструменты. Заводу их требовалось очень много. Организовалась бригада лекальщиков, меня поставили бригадиром. Дали десять учеников и сказали: обучайте. Обучили.

Членов нашей бригады считали самыми культурными рабочими завода. Это и понятно: по роду своей работы нам нужно знать алгебру, тригонометрию. Все наши ребята приходили на работу в чистых сорочках, с галстуками. О наших ребятах в краевой комсомольской газете писали: «Эта бригада — живая иллюстрация к сталинским словам о стирании грани между работниками физического и умственного труда».

Весной 1940 года наша бригада, как лучшая в городе, получила переходящее красное знамя горкома партии и горисполкома Советов депутатов трудящихся. С тех пор это знамя пять раз присуждалось нам, оно и сейчас в наших руках. Держим его крепко, по-комсомольски, и отдавать никому не собираемся. Все эти годы звание комсомольско-молодежной стахановской бригады не роняли ни разу... Работали столько, сколько надо было.

В декабре прошлого года произошло одно событие, которое останется памятным на всю жизнь. Я работал со своей бригадой

ЭР01037

в цехе. Мы выполняли ответственное правительственное задание. Вдруг зазвонил телефон: вызывает Федор Кузьмич, директор завода.

— Поздравляю тебя, товарищ Спицын, с правительственной наградой — говорит он. — За отличную работу в дни отечественной войны ты награжден орденом...

Сначала я ничего не понял. Как это так: меня? орденом? Не поверил, подумал: может быть, тут какая-нибудь ошибка... Но Спицын на заводе один, пришлось поверить...

Вместе со мной были награждены орденами и медалями еще четверо комсомольцев нашего завода.

Собрал я свою бригаду, провели мы не то что митинг или беседу, а просто поговорили по душам и решили: в ответ на награждение рабочих нашего завода объявить свою бригаду фронтовой.

Ответственное это было название: фронтовая бригада, — ответственное и почетное. Как мы его оправдываем? Бригада из месяца в месяц перевыполняет программу; своими рационализаторскими мероприятиями мы сэкономили государству за время войны десятки тысяч рублей; применив одно рационализаторское мероприятие, мы по одному из видов мерительных инструментов в три раза снизили стоимость продукции.

В первых числах апреля был закончен отделкой и сдан в производство новый инструмент, сделанный силами нашей бригады, — резьбомерительная скоба. Многие утверждали, что этот инструмент сделать на заводе невозможно: это под силу только лекальщикам восьмого разряда, а лучшие наши специалисты — лекальщики седьмого разряда. Да и инструментов соответствующих нет. Но комсомольцы доказали, что при желании можно на производстве сделать то, что делают на полях отечественной войны гвардейцы фронта: можно преодолеть любые препятствия и одержать победу... Наша бригада победила и на этот раз.

Лучшие наши стахановцы-фронтовики — Игначков, братья Панасенко, Бобылев — много работают по обучению подростков и девушек. Так, ученик Шура Богомолов, недавно пришедший на производство, хорошо освоил специальность шлифовщика и работает уже наравне со всеми. Работает хорошо, выполняя обязанности шлифовщика седьмого разряда.

...Когда вернутся после победы над фашистами три моих брата, бойцы Действующей Красной Армии, мне не стыдно будет слушать их рассказы о боевых подвигах. Ведь мы с ними — в одних рядах, только они — с оружием, а я — за слесарными тисами. И это наше оружие не менее страшно для врагов, если уметь им владеть в совершенстве. А если придется итти в бой — будем на полях войны гвардейцами!

Записал С. Леонов

ЭР01037

Мы защищаем родину

Рассказ бригадира фронтовой бригады Амурстальстроя орденоносца ИВАНА ЧОПОРОВА

Комсомольск! Город наш носит это славное имя. Когда подумаешь об этом, сразу вспоминаются те годы — суровая дальневосточная зима, пурга, непроходимая тайга и первые комсомольцы в землянках, первые строители города.

Да, это был фронт! Сам товарищ Сталин послал комсомольцев на берег Амура строить наш город. И молодежь поклялась товарищу Сталину — жизни своей не щадить, а построить город на Амуре. И построили, и полюбили свой город комсомольцы.

И еще роднее стал нам Комсомольск теперь, когда идет война, когда подлый враг напал на счастливую нашу родину. Здесь в тылу, в далекой тайге, мы помогаем фронту, своим товарищам-фронтовикам. В чем заключается наша помощь? Есть у нас в городе один парень. Зовут его Станиславом Тарабарко. Он комсомолец. Работает на машиностроительном заводе. Слава о нем разнеслась по всему городу. Какое бы трудное задание ни дали Станиславу — выполнит. Вот уж сколько раз писали газеты, что Станислав выполняет за смену по десять норм. Думается, что если бы узнали об этом земляки наши, они бы сказали: «Вот какие у нас в Комсомольске люди, вот какой наш город юности!»

А Тарабарко Станислав делает самое простое дело, как и все мы. Он помогает фронту.

Вот о себе скажу, о своей бригаде. Профессия наша не замысловатая. Мы — слесари-сантехники. Но на стройке такая профессия очень ценная и нужная. Работать нам приходится чаще всего под землей, да и не легко бывает. Но комсомольцы моей бригады народ такой, что не боится никаких трудностей. Раз надо — сделают любую работу.

Прошлой зимой объявили мы свою бригаду фронтовой. Название само о себе говорит. Коли назвались фронтовиками — так и работать по-фронтовому надо. И тут мне хочется привести один пример.

Получили мы раз очень ответственное задание. Срок нам установили короткий, а работа трудная. Но комсомольцев не испугали трудности. Мы приняли это задание, как боевой приказ.

И началась работа. Прошли первые сутки, а бригада еще не покидала своего поста. Мороз обжигает руки, ледяной ветер лицо колет словно иголками, а тут еще вдобавок и ко сну клонит. Но мы работаем, не поддаемся ни морозу, ни сну. Потом пошли вторые сутки, а мы все работаем. Отдохнем час, погреемся у «буржуйки» и снова за дело. Парторг приходил к нам на участок, газеты приносил, во время перерыва новости рассказывал из

ЭР01037

фронтовой жизни. И так мы работали третью ночь, не уходя со своего участка. Однажды затормозилось дело. Для опрессовки коллектора нужна была вода. Но, чтобы дать воду, надо поднять трубы на 60 метров. Работа не сложная, но она отняла бы много времени. Тогда кому-то из моих товарищей пришла дельная мысль: вместо труб приспособить обычный шланг. Мы так и сделали, сэкономили целых пять часов. А на четвертые сутки задание выполнили.

И еще такой случай был. Кажется, как можно, — зима, суровые морозы, кругом метель свирепствует, все трещит от холода, а тут надо вставать и работать по колено в воде? Но ведь бойцы-то наши не жалуются на холода. Они бьют врага в любую погоду и, если надо, вплавь реку перейдут, но приказ командования выполнят. Так и у нас в бригаде. Слесарь комсомолец Василий Слотин стал в воду и работал полчаса. Потом явился и скромно доложил — задание выполнено.

Таких примеров из жизни нашей бригады очень много. Да и не только наша бригада так работала. Кто в Комсомольске, в Хабаровске, на всем Дальнем Востоке не слышал о фронтовой комсомольско-молодежной бригаде Валентины Демениной. В самые сильные холода, в дни, когда стояли сорокаградусные морозы, бригада Демениной работала на открытом воздухе и выполняла сменное задание на 400 процентов. По пять-шесть суток работали в те дни, не выходя из-под земли, комсомольцы фронтовой бригады Ивана Малова. День и ночь находился на своем посту молодой прораб комсомолец Григорий Федорович Пеньков.

Не передать всех чувств, которые охватили меня, когда я прочитал Указ правительства о награждении рабочих и служащих нашего коллектива. Правительство наградило меня орденом Ленина. Такую же высокую награду получила и Валя Деменина. Среди награжденных немало наших товарищей по стройке — комсомольцев и комсомолок. Что может быть выше этой награды?! И как же нам, молодежи, не любить свою родину, когда она видит твой труд и ценит тебя. Да за нашу любимую родину каждый из нас всю жизнь отдаст свою, если это потребуется на поле боя!

Сейчас я работаю в тылу. В городе Комсомольске. Я строю этот город и люблю его, как свой дом. Так любят свой город все его строители.

Любят и строят.

Строят и говорят фронтовикам:

— Верьте, дорогие друзья, что мы здесь, в далекой тайге, все силы прикладываем, только чтобы лучше помочь вам в борьбе с проклятым врагом. Мы защищаем родину.

Записал Н. Галунин

ЭР01037

Во имя счастливого будущего

Рассказ стахановца СТАНИСЛАВА ТАРАБАРКО

Летом прошлого года я был в доме отдыха близ Комсомольска. До этого я два года работал на заводе, не пользуясь отпуском, 16 июня мне, как стахановцу, — я в то время выполнял полторы ормы, — дали путевку.

Вечером мы сели на катер. Амур в этот вечер был удивительно их и спокоен. Его ровная поверхность играла разноцветными — олубыми, фиолетовыми, синими — красками и казалась гладкой, ак отполированная плита. Никогда не забуду этого спокойствия и еличия.

Сумерки сгущались. Сопки правого берега могучей реки тону- и в полумраке. Нигде ни огонька. Только сзади, все удаляясь, лыло широкое зарево огней Комсомольска. Но вот из-за крутого згиба кустарника показались огни и впереди. В узкой глубокой ади, между двумя крутыми сопками, сияло ярко освещенное дание нашего дома отдыха. Из открытых окон разносилась весе- ая музыка.

— Наши едут! Гости! — раздались голоса с берега. Нас при- етливо встречали, разместили по палаткам, а затем пригласили в толовую. После ужина начались танцы, игры. Отдыхали мы орошо. Днем ходили на сопки, любовались таежными далями, атались на лодках, купались в Амуре, рыбачили. Я любил заби- аться на высокую гору и смотреть на величественную панораму ашего растущего города. Он был виден, как на ладони. Мощные орпуса заводов, кварталы каменных домов, стройные леса еще езаконченных зданий — при виде всего этого меня охватывала ордость за труд своих братьев и сестер, которые пришли сюда аньше меня и, не испугавшись трудностей, своими руками по- строили чудесный город, оживили край, воздвигли пре- красные корпуса. Я вспоминал просторные светлые цехи своего авода, где учился и стал квалифицированным слесарем. Какая рекрасная жизнь открывалась перед нами, юношами и девуш- ками, молодыми рабочими, рожденными в стране свободного, творческого труда!

Но вот однажды в полдень светлого июньского дня к приста- ни неожиданно причалил катер. Все отдыхающие бросились к бе- регу: думали, что приехали отдыхать рабочие новой группы, и очень удивились, когда с катера сошли только два человека — капитан и сотрудник конторы дома отдыха.

Капитан поднялся по тропинке на песчаную площадку, где обычно играли в волейбол. Тотчас вокруг него собралась толпа. Все с волнением ждали, что он скажет.

— Товарищи, — начал капитан медленно и глухо. — Я привез плохие вести... — Он помолчал, окинув притихших людей суровым

ЭР01037

взглядом, затем достал газету и начал читать выступление по радио товарища Молотова.

Так мы узнали о войне.

Этот момент навсегда врезался мне в память. Я видел, как при слове «война» грозно сомкнулись мои товарищи, как они сжали кулаки, как лица их стали суровыми и непреклонными, будто за один лишь миг они повзрослели на десятилетие.

Выступал один рабочий, я не знаю его фамилии. Он сказал:

— Товарищи! Было время отдыхать — мы все отдыхали. А теперь настало время бить немецких псов. Будем, друзья, бить их до последнего вздоха.

Этими словами он высказал общую мысль, овладевшую нами. Мы все начали спешно собираться и с первым же попутным катером приехали на завод.

Назавтра я был в отделе кадров.

— У вас же отпуск не кончился, — сказал мне инструктор отдела.

Ничего я не ответил ему, да он и сам, видимо, догадался, что спросил некстати. Мне хотелось быть в цехе, в своем коллективе. Я знал, что врагу будет горько на нашей земле, но и нам придется нелегко — потребуется много сил, много жертв, чтобы разбить подлых фашистов. И тогда же я сказал себе: работать нужно столько, сколько хватит сил, а если на фронт позовут — бить врага без пощады, со всей силой нашей ненависти к нему.

В цехе, среди рабочих я почувствовал, что советский народ един, что он еще больше сомкнулся вокруг своего вождя.

Дружно стучали молотки слесарей, моторы крутились без перерыва, неумолчно шумели станки.

Утром 23 июня я получил наряд и работал, не отходя от тисков, 12 часов. Норму выполнил на 280 процентов. В тот же день по заводу заговорили, что в соседнем цехе комсомолец Пикалов дал пять норм.

24 июня я работал с еще большим напряжением и добился 520 процентов. Но Пикалов снова обогнал меня и дал 800 процентов.

— Видно, он по-особому работает, — подумал я. — В чем же дело?

Прочитав газету, где рассказывалось о рекорде Пикалова, я понял, что вся суть не в физическом напряжении, а в том, что надо смекнуть и применить приспособление, как это делал Пикалов.

Получив заказ на обработку новой партии деталей, я решил изготовить приспособление и вместо ручной работы использовать пресс. В этот день, 7 июля, я встал на стахановскую вахту. Работа шла легко, я даже сам удивлялся, как быстро можно работать. На другой день, идя на работу, я увидел у доски показателей большую группу рабочих. Они читали большой плакат, напечатанный красными буквами. Подошел к ним и удивился, увидев на плакате свою фамилию и рядом цифру 905. Оказывается, я дал

ЭР01037

905 процентов, хотя вчера, уходя из цеха домой, думал, что выполнил не более 5—6 норм.

Друзья и товарищи поздравляли меня, а мне все казалось, что они шутят. Разве раньше я не мог придумать это приспособление? Разве каждый рабочий не способен на такие же рекорды? Но поздравления были искренние, задушевные, им трудно было не поверить, и я решил в ответ на поздравления друзей добиться еще лучших результатов.

С тех пор не было и нет ни одного массового заказа, выполняя который, я не применил бы своих приспособлений. Иногда полдня уходит на то, чтобы изготовить какую-нибудь оправку, но зато за четыре часа сделаешь больше, чем за неделю. Дали как-то мне работы на 104 часа. Решил выполнить ее за одну смену. Часа полтора потерял на изготовление приспособления, но уже через четыре часа перед мастером лежали готовые детали. В этот день мне удалось установить рекорд производительности труда по заводу — 1700 процентов.

Хотя я работал в 17 раз быстрее, но усталости не чувствовал. На помощь пришла техника, с помощью которой действительно, как говорит товарищ Сталин, можно творить чудеса.

Во время войны в нашем цехе появилось много двухсотников и трехсотников. Это сказалось на всем цехе. Если раньше он считался отстающим, то теперь коллектив цеха ежемесячно перевыполняет планы и идет первым по заводу. В нашем цехе находится переходящее красное знамя парткома, завкома и дирекции завода.

В дни войны меня приняли в комсомол. Высшая честь для молодого человека нашей страны состоять в рядах Ленинско-Сталинского комсомола и плечо к плечу итти со своими товарищами на борьбу с ненавистными немецко-фашистскими мерзавцами.

И сейчас, где бы я ни был, на фронте или в тылу, высокое звание комсомольца постараюсь оправдать с честью.

Ведь во имя победы над врагом, во имя счастливого будущего не жалко не только сил своих, не жалко и самой жизни.

Записал Н. Поваренкин

Девушки! Нас зовет страна...

Рассказ лесоруба Дормидонтовского леспромхоза
АНТОНИНЫ ПАВЛОВОЙ

Хорошо зимой в лесу! Тишина, только откуда-то издалека доносится стук топора, да слышно, как поскрипывают деревья. Работаешь и знаешь, что здесь, рядом с тобой, трудятся твои товарищи и подруги, родные люди, что все мы работаем для

ЭР01037

родины, для своего счастья. Как радостно чувствовать, что в общем труде есть и твоя, пусть скромная, пусть небольшая доля!

Мне давно хотелось стать лесорубом.

— Не женское это дело. Ростом мала, дерево не осилишь, — говорили некоторые рабочие. А я все же решила испытать себя.

Пришла к директору леспромхоза товарищу Селюга и рассказываю:

— Думаю сменить свою работу. Ухаживать за конно-ледяной дорогой может пожилая женщина или старик-колхозник. Дело это нехитрое, быстро подберу себе смену. А мне бы топор в руки да пилу. Говорят — силы мало, дерево не свалю. А я думаю — справлюсь!

Товарищ Селюга поддержал меня. Поставим тебя, говорит, учеником к опытному лесорубу товарищу Бородюкову, а подучишься, привыкнешь, — ну, тогда самостоятельно начнешь. На том и порешили.

И вот стала я работать с товарищем Бородюковым. Спасибо ему большое за учебу, за совет. Научил он меня владеть пилой и топором! Сложное дело — валка хлыстов, но и с ним справляюсь. Товарищ Бородюков рассказал мне, как определять годность дерева. Теперь я по звуку могу различать, какое дерево — здоровое, а какое — нет. Сама валю деревья, делаю подрубы и подпилы.

Конечно, первое время трудненько приходилось. Придешь, бывало, после работы — спина ломит, руки болят с непривычки. Но на душе было радостно. Радостно оттого, что ты приносишь пользу родине! А что трудно, так разве время сейчас об этом думать?

Подруга моя, семнадцатилетняя Валя Лукашкина, тоже стала лесорубом. Ее обучал товарищ Саламаткин. Некоторое время мы работали с ней вдвоем. Придем поутру, еще затемно, на свою делянку — у нас уже намечено, какие деревья будем валить сегодня. Подпилим подрубленное дерево — падает гигант, только стон да треск кругом стоит, и снег пушистый летит комьями. Потом сучья, ветки обрубаем, разделываем хлыст. Кончаем работу, когда уже темно. С ночи внимательно осматриваем свой инструмент, готовим его на следующий день. Так и трудились вместе с Валей. Ежедневно давали по 120—130 процентов нормы.

В наше общежитие часто заходила молодая девушка Таида Гальянова. Спрашивала, как работаем, советовалась, просилась к нам в бригаду, тоже хотела лесорубом стать. Сказала я Вале: «Сейчас каждая из нас может работать самостоятельно, давай обучим девушку».

Взяла я ее к себе в напарницы. Не могу на нее пожаловаться — старательная, трудолюбивая девушка. И, как прежде с Валей, мы с Таидой давали по 120—130 процентов нормы, а иногда и по полторы нормы в день.

ЭР01037

Девушки! Нас зовет страна, наш труд нужен родине. Приходите в лес, в тайгу, учитесь профессии лесоруба, сплавщика, чтобы помочь мужьям и братьям разгромить фашистскую нечисть, чтобы весь наш советский народ снова зажил свободно и счастливо.

Записала Э. Горчакова

Комсомольцы нашего стойбища

Рассказ секретаря комсомольской организации колхоза „Нанайский партизан"
У. МОРАКА

Стойбище, где я вырос, стоит на берегу студеного озера Болонь. Мои деды не так давно сменили кочевую таежную жизнь на оседлую и стойбище свое назвали по имени озера. Вдалеке от больших городов лежит родное селение. Все в нем знакомо и любимо с детства. Каждая сосна, каждый кустик.

Мое поколение росло в других условиях, нежели деды. Не верили мы шаманам, не признавали колдовства и нечистой силы. Прямой путь был у нас — школа, пионерский отряд, комсомол. Десятки юношей нашего села с гордостью и по праву носят комсомольский билет. Я хочу рассказать о них и о себе.

***

Рыбацкая избушка на берегу серебряной протоки. Уютно потрескивают горящие поленья. Сюда, к теплу, к ароматному запаху ухи, стремятся обветренные люди. Целый день провели они на льду реки, у прорубей. После труда рыбаки пришли отдохнуть.

Я жду их в избушке, вооруженный свежей газетой, блокнотными записями, географической картой. Я пришел сюда на лыжах, выструганных из черной березы собственными руками. Пришел сообщить колхозникам очередную сводку Советского Информбюро, рассказать новости, ответить на волнующие вопросы. Пришел навестить комсомольцев, работающих на рыбалке, узнать, как идут их дела, не нуждаются ли они в чем-нибудь? У рыбацких сетей целыми днями хлопочет основная масса комсомольцев — девять человек. Им, главным образом, посвящены мои думы и заботы.

Тепло и запах ухи располагают к беседе. Она затягивается далеко за полночь. Потом рыбаки ложатся спать, чтобы завтра с еще большим желанием выйти на лов рыбы для бойцов Красной Армии, для героических людей далекой Москвы. Беседа комсомольского агитатора вдохновила их на новые трудовые подвиги.

После беседы я опять становлюсь на лыжи. Несмотря на ночной холод и непроглядную тьму, мчусь обратно, в родное село Болонь.

ЭР01037

Лыжи, смазанные рыбьим жиром, хорошо скользят. Незаметн проносятся километры. Подходя к селению, я внезапно предаюс воспоминаниям.

Родные места! Было время, когда я покидал вас.

Детство прошло в тайге, на берегу студеного озера Болон Здесь еще мальчишкой выслеживал зверя, стрелял, ловил рыбу Учился плавать на оморочке, самой легкой и неустойчивой лодк какую выдумал человек.

Превзойдя науки, известные каждому нанайцу, уехал я в горо Николаевск, где красавец Амур вливается в океан. Засел за книг о более удивительных науках. Интересный мир раскрылся пред мной! Я узнал о том, как человек покоряет природу, о людях н другом берегу океана, о советской стране, возродившей нанайски народ. Захотелось рассказать обо всем товарищам, оставшимся Болони. И не просто рассказать, а многому научить.

Возвращаясь из города, долго ехал на грузовике. Потом пе ресел на сани с собачьей упряжкой. Не раз становился на лыжи Через много суток, наконец, увидал синеющий лед холодног озера Болонь, тайгу, застывшую в белом безмолвии. Как обрадо вался я знакомой избушке! У входа в нее сушилась рыба.

Отец не ждал меня. Он был уверен, что я в тайгу не вер нусь. Город заберет меня целиком. Но вот я вхожу в родной дом в городском костюме, с галстуком, на ногах же у меня был унты — сапоги из звериных шкур с тонким нанайским узором на голенищах. Старик посчитал это хорошим признаком. Обычаи и одежду нанайцев я не забыл.

— Я приехал не в гости, — сказал отцу. — В Болони я вырос Здесь же буду и работать...

В первый же день, окруженный сверстниками, рассказывал я о новостях, о жизни и делах городских комсомольцев. Делился планами на будущее. Молодежь хорошо относилась ко мне и вскоре избрала секретарем комсомольской организации рыболовец кого колхоза «Нанайский партизан».

Озеро Болонь славится рыбой. Это основной продукт, который дают нанайские колхозники стране и фронту. В амурских протоках драгоценная рыба: кета, максун, амур, елец. Не помышляя о зим нем отдыхе, в стужу и пургу пробивали рыбаки мертвый лед. В полукруглые проруби — майны опускали сети. Тащить их обратно было тяжело — улов богат.

Я часто говорил колхозникам:

— На войне люди всегда на морозе, спят в снегу, жизни не жалеют для победы. Можно ли здесь, в тылу, плохо работать?

Колхозники знают, к чему их обязывает война. Недаром их артель носит славное имя «Нанайский партизан». Многие знакомы здесь с запахом порохового дыма, со штыковой атакой. Бывший приамурский партизан Киле Маму стал в дни войны главой ло вецкой бригады. Он дал комсомольцам слово добыть зимой рыбы не меньше, чем летом. Слово свое Маму сдержал. Его бригада

ЭР01037

на подледном лове дала Красной Армии рыбы в три раза больше плана. Не отставала и бригада стариков во главе с 70-летним Ходжером Нихил. Ее в шутку звали «Пионерской бригадой».

Самоотверженно рыбачат комсомольцы. Киля Борис план лова перевыполнил почти в шесть раз, Киля Капоти, Одзял Григорий — в три раза.

На рыбалке назвала себя фронтовой комсомольско-молодежная бригада. Во главе ее стоял я. Весна и лето — горячее время для рыбаков. Летняя путина должна дать стране сотни тысяч тонн рыбы. Вот почему я покинул на это время сельсовет, где работаю секретарем. Я — там, где решается успех путины. Мое место здесь потому, что я комсомольский руководитель.

Как воины трудового фронта, во всем подчиняясь командиру, от темна до темна трудились молодые рыбаки. Иногда за одно притонение им удавалось выловить 200 центнеров рыбы.

С утра я жадно слушаю радио, голос далекой Москвы. В блокнот заносится самое важное, что произошло в стране и мире. Газета приходит сюда поздно. Радио — основной источник фронтовых новостей. Названия освобожденных городов, имена героев, сообщения о подвигах и трофеях записываются на слух.

Первым на селе услышал я по радио доклад товарища Сталина 6 ноября 1941 года, приказ Наркома Обороны 23 февраля и другие исторические документы. Немедленно созывал митинги колхозников, на нанайском языке разъяснял им содержание документов.

Для агитации мы умело используем письма с фронта.

У болонского рыбака Сергея Ходжер в армии три сына. Один из них, Кирилл, прислал письмо о героической защите гордой и непобедимой Москвы, о 18 фашистах, уничтоженных меткой пулей нанайского охотника. Фронтовую весточку горячо обсуждали.

— Нанайцы вместе с другими советскими народами бьют фашистов, — говорил комсомольский агитатор. — В девятой гвардейской дивизии генерала Белобородова сыновья нашего народа — лучшие разведчики. А чем же мы ответим нашим героям?

Во время беседы, как бы в ответ фронтовикам, молодые рыбаки решили отдать на постройку танковой колонны имени комсомола дневной улов. Беседы наших агитаторов всегда наталкивают рыбаков на благородные патриотические дела.

500 теплых вещей—унтов и рукавиц, меховых курток и шапок— подарили бойцам жители села Болонь. Позаботились они и о детях далеких подмосковных сел, освобожденных от фашистов. Им послали несколько сот вещей.

23 февраля колхозники отправили в Красную Армию 108 посылок, 235 килограммов мяса, 2 поросенка. В народный фонд обороны болонцы внесли десятки тысяч рублей, тонны рыбы, сотни дорогих звериных шкур.

На рыбную ловлю и охоту выходят не только мужчины, но и женщины, не только юноши, но и старики, — никто

ЭР01037

не хочет сидеть дома без дела. Мой отец — старик, но он тоже нашел свое место: вяжет рыбацкие сети.

Колхоз «Нанайский партизан» в этом году значительно расширил посевную площадь. Раньше в село завозили продовольствие Теперь оно не только себя обеспечит овощами, овсом, табаком, но и немало даст государству. Молодежь вывезла на поля более 75 тонн навоза, собрала 400 килограммов верхушек клубней картофеля.

Все это — плоды страстной большевистской агитации комсомольцев. В любой избе агитаторы желанные гости. Они несут в массы культуру.

Вековые предрассудки еще живы в отдельных нанайских семьях. Вот почему так разнообразны темы бесед комсомольцев. О вреде курения пришлось говорить очень много. Женщины-нанайки, даже молодые, следуя установившейся традиции, курили трубки. Агитаторы разъяснили им, как плохо отражается курение на здоровьи. 13 комсомолок первыми покончили с дурным обычаем. За ними последовали и другие. Вредные обычаи комсомольцы беспощадно разоблачают, высмеивают. Вера в сверхестественную силу, случаи шаманства и знахарства находили и находят дружный отпор.

**
*

Двадцать шесть лучших молодых рыбаков и охотников села Болонь связали свою судьбу с комсомолом. Большинство из них вовлечены в комсомольскую жизнь уже в дни войны. Юноши и девушки поняли, что сейчас их место в передовых рядах борьбы. Молодежь Болони воспитывается на примерах героизма бойцов-нанайцев, ставших на фронте грозой фашистов. «Закаляй себя к борьбе!» — эту мысль всегда подчеркиваем мы.

Глубокая ночь. Отдается приказ о боевой тревоге. Связные по цепочке собирают комсомольцев к сельсовету.

Построившись в боевые ряды, комсомольцы идут в поход на 20 километров. Итти трудно, но никто не хнычет.

Семь военизированных ночных походов со стрельбой и метанием гранат совершила молодежь за зиму. Во главе лыжных колонн всегда были нанайские комсомольцы. Летом, в свободное от рыбалки время, мы обучаемся искусству разведки и стрельбы.

Так живут, так помогают фронту комсомольцы и молодежь нанайского стойбища Болонь.

Записал Д. Тимофеев

ЭР01037

Наши кони не подведут в бою

Рассказ конюха колхоза „Амурский партизан"
АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Мне, конечно, дороги все кони, за которыми хожу. Двадцать одна лошадь в моей конюшне — все как на подбор. Выросли они на пойменных лугах приамурской степи, набрались силы от сочных трав на наших вольных просторах.

Но больше всего люблю я коня по кличке «Светило», прозванного так за белые пятна на спине. Сам его выходил и, признаюсь, иногда давал ему лишнюю горсть овса. Еще жеребенком «Светило» легко узнавал меня среди большой толпы, радостно ржал и мчался навстречу. Когда «Светило» вырос в красивого и статного коня, мы подружились еще больше.

Но скоро нам придется расстаться. «Светило» признан годным для красной кавалерии. И я мечтаю, как мой конь на полном скаку понесет на врага красного конника, вооруженного острым клинком.

В фонд красной кавалерии зачислен и другой конь, воспитанный мной, по кличке «Крепыш». Это я считаю великой для себя честью.

Донские и сальские степи славятся на весь мир хорошими и статными боевыми конями. Неужели наши амурские степи хуже? Мы тоже можем и должны растить здесь прекрасных лошадей для красной конницы.

Много сил отдал я коням. В колхозе «Амурский партизан» кони не отличались раньше силой и статностью. Худыми и тощими попали они в руки комсомольцев-конюхов. Кроме меня за конями стал ходить семнадцатилетний Михаил Лепкало.

Начали мы с того, что осмотрели конюшню. Грустно как-то стало. Вот где, подумал я, причина многих лошадиных болезней. Собрали комсомольцев и молодежь, поговорили и принялись за дело. Починили крышу, отеплили ее сеном и соломой, заделали щели.

Коней содержали в режиме. Во-время поили и кормили, расходовали солому и овес согласно норме. Лишнего не давали — это еще вреднее, чем держать лошадь в голоде.

Были у нас в колхозе любители быстрой езды. Без всякой надобности гнали они лошадей за много километров. Кони приходили иногда из поездки взмыленные, изможденные, как будто целый день трудились на полях. Неисправная сбруя до крови растирала лошадям спины. Мы объявили борьбу лихим наездникам, не понимавшим огромного значения живого тягла для колхоза. Ведь в этом году большая часть работ в сельском хозяйстве ляжет на выносливые плечи рабочей лошади.

Телега, запряженная волом, — эту картину можно было встретить раньше только на Украине. Теперь и в амурских селах поя-

ЭР01037

вились рабочие волы. Мы приучили к упряжке несколько пар волов и нетелей. Волы значительно сильнее лошадей. Они могут сослужить колхозам большую службу.

Позаботились мы и об упряжи. Привлекли стариков для поделки постромок, супоней, отремонтировали брички и дуги. Брички приспособили для подвозки на поля горючего.

Десять жеребят воспитываем мы в конюшне. Школьники села Тамбовка взяли над ними шефство, будут ходить за ними, в ночное ездить.

Комсомольцы нашего колхоза поставили себе цель: наши кони будут самыми упитанными, самыми лучшими в районе. И уж в бою, будьте уверены, в бою не подведут.

Записал Д. Тимофеев

Станем мастерами земли

Рассказ знатного тракториста Димского зерносовхоза ГРИГОРИЯ ЧЕРНИКИНА

Я приехал на Дальний Восток с Кубани и сразу попал в район приамурских степей. Неоглядная равнина, плодороднейшая земля, глубокое голубое небо напомнили мне родные края. И села на Амуре походят по размаху на кубанские станицы!

Полюбил я крепко дальневосточные поля. Стали они мне второй родиной.

Еще недавно огромные пространства благодатной земли расстилались здесь, не тронутые плугом. Сеяли в здешних краях непростительно мало, надеялись, видимо, на привозной хлеб.

А сейчас другое дело. Недавно мы подсчитали на досуге, что хлебом, который взрастит только один наш совхоз, можно круглый год кормить целый армейский корпус! Много мы дадим стране и фронту хлеба, продовольствия.

Я тракторист. От меня, как и от всех моих товарищей, зависит, в основном, успех фронтовой весны. Вот почему нельзя нам работать по-старинке! Вместе с людьми своими — сеяльщиками — в дни обсуждения первомайского приказа товарища Сталина я обязался сеять так, чтобы как можно лучше помочь фронту. Стремясь работать быстрее, я установил своеобразный рекорд: за один день на агрегате из пяти сеялок засеял 200 гектаров пшеницы. Что помогло мне добиться таких результатов? Вот об этом-то я и хочу рассказать.

Еще не занималась заря. В степи — предутренний холод, — завывает ветер.

Первым выхожу я из теплого стана. Люди спят там под утро

ЭР01037

особенно сладко. В сером небе кричат гуси. В мае летят они из-
итая мимо амурских степей, на летние квартиры.

Мой «Челябинец» ждет меня.

Перед тем как будить людей, я обязательно осматриваю его. акие осмотры прочно вошли в мой распорядок.

Вчера ночью, готовясь отдыхать, я проверил и отрегулировал одшипники, промыл масляные и топливные фильтры. Старое, от-аботанное масло слил в специальный бачок. Его нельзя выбрасы-ать, оно еще пригодится! Затем осмотрел свою пятерку сеялок. едь неисправность в одной из них может вывести из строя весь грегат. Но мои юные сеяльщики Ваня Чиркин и Вася Журбин остарались — смазали оси колес, прочистили диски. Вчера не-колько дисков плохо вращались, их тут же починили. Вчера же твезли на участки мешки с зерном и разложили так, чтобы засы-ать зерно в сеялки на ходу. Когда станет светло, все должно ыть наготове! Преступно тратить хоть один час светового дня.

От зари до зари мой агрегат делает только полезную работу. Отдых — 4—5 часов. Мы не допускаем холостого хода машины ли простоя. Это стало у нас строгим законом. Видимо, в нем-то секрет наших успехов...

После утреннего осмотра бужу всех людей, и без долгих роволочек мы выезжаем на сев.

Беспорядок в поле губителен. Нужна слаженность и взаимная ыручка. Один отстанет — помоги ему подтянуться. Иначе дело будет страдать.

Меня давно удивляет одно обстоятельство. Когда машина простоит из-за поломки, поднимается шум. Если в простое виноват водитель, его строго накажут. Но вот трактор завели, направили в поле. И вместо того, чтобы сразу потянуть за собой сеялку, борону, он ездит с места на место.

Оказывается, еще не готов участок, не сожжены остатки со-ломы, не подвезено зерно. А иногда и зерно подвезут, зато целый час провозятся с засыпкой в сеялки. То же самое бывает и при заправке горючего.

Получается скрытый простой. Его видят, о нем знают, но счи-тают обычным и даже неизбежным. Как будто в порядке вещей недосеивать десятки гектаров в день и использовать мощность машины лишь наполовину!

Корень зла — в беспорядке и неорганизованности. Там, где водители и сеяльщики не достигли слаженности в работе, нельзя на полную мощь использовать тракторы.

Мой агрегат работает четко и слаженно, потому что мы требо-вательны к себе и другим, стремимся во всем походить на боевой артиллерийский расчет.

Показателен день, когда была достигнута рекордная выработка. Прежде всего правильно были расставлены люди. Они обеспечили бесперебойную работу сеялок. На ходу засыпалось в сеялки зерно. Не останавливая машину, я заправлялся горючим. Даже обед

ЭР01037

подвезли мне, чтобы не терять драгоценного времени. Может показаться, что количество засеянного отразилось на качестве. Нет, это не так! Главный агроном дал отличную оценку качества сева.

— Это вовсе не предел, — говорил я своему другу, трактористу нашего совхоза Александру Сюсюкину, — от «Челябинца» можно взять еще больше!

— Верно, — соглашался Александр. — Я берусь перекрыть твой рекорд.

Между нашими агрегатами разгорелось соревнование. За соревнованием следили не только в нашем совхозе, но и во всем Тамбовском районе. Александр каждый день сеял по 145—165 гектаров. Постепенно приближался он к нашему рекорду. А потом газета «Тихоокеанская звезда» напечатала радостное сообщение:

— Тракторист второго отделения Димского совхоза Александр Сюсюкин засеял за смену на тракторе ЧТЗ 204,4 гектара.

Достижение Сюсюкина остается пока рекордным. Но я надеюсь вернуть в свои руки первенство. Добьюсь ежедневной выработки не менее 250 гектаров.

Только фронтовая весна могла родить такую высокую производительность. Не случайно ее называют небывалой. Мастерство, помноженное на смекалку, горячее желание дать стране и фронту как можно больше продукции обеспечивают победу.

Молодежь, впервые севшая за руль трактора, также стремится овладеть мастерством.

Хороший пример показывает тракторист совхоза «Восточный» комсомолец Коля Романюк. Он молодой водитель. По примеру тысячников промышленности Коля неустанно задается вопросом:

— Как можно работать еще лучше, еще производительнее?

Стахановец на заводе, придумав какое-нибудь приспособление, часто совмещает две-три операции. Результаты получаются великолепные. Молодой тракторист решил применить оригинальный способ одновременной пахоты и боронования: к своей машине он прицепил 5 культиваторов и 20 борон.

Многие с недоверием относились к опытам юного водителя. Но Коля делом доказал их жизненность. Способ Коли Романюка дает возможность полнее использовать мощность трактора, больше вспахать и при этом сжечь меньше горючего. На комбинированном агрегате Коля культивирует и одновременно боронит по 120—130 гектаров в день. Недавно он выполнил дневное задание на 700 процентов. Молодой тракторист сберег 400 килограммов горючего.

Вот что значит вдумчиво и добросовестно относиться к труду!

Коля не хочет пахать по-старинке. Он смело идет по новому пути. При поддержке агронома и руководителей совхоза, он вырос в настоящего рационализатора полей.

Успех дается ему нелегко. Но ведь в этом-то и есть настоящая радость труда. На работу Романюк выходит в 4 часа утра. Поздно вечером, как это делаем и мы, он готовит свою машину к следующему дню. А утром Колин агрегат сразу идет в борозду. Предварительная подготовка машины сберегает не минуты, а часы.

ЭР01037

***

Первомайский приказ товарища Сталина требует от бойцов ать мастерами своего оружия. Наше оружие — трактор. Я возьму него все, что он может дать.

Заводы дают фронту пушки и снаряды. Мастера земли — ста-новцы полей дадут мастерам боя продовольствие. Недаром льневосточные трактористы распевают частушку:

Мы гвардейцам подражаем
На Амурском берегу,
Будем нашим урожаем
Бить, как бомбой, по врагу!

Записал Д. Геухеров

ДВГНБ

ЭР01037

Слово и дело хабаровских комсомольцев

В дни, когда остервенелые гитлеровские полчища рвались к Москве, на другом краю нашей советской земли родилась замечательная инициатива. Хабаровские комсомольцы решили в подарок Красной Армии построить звено бомбардировщиков. С огромным подъемом вся комсомолия края принялась за работу. Многие тысячи трудовых рублей отчислили от своего заработка молодые патриоты. По всему краю прошли многолюдные воскресники, на которых рядом с молодежью работали и старики-пенсионеры, и взрослые рабочие, и ученые, и домохозяйки. Так складывался многомиллионный патриотический фонд. Никто не остался в стороне. Каждый стремился внести свой вклад, помочь своим трудом любимой Красной Армии.

Не одно, а четыре звена бомбардировщиков были построены на собранные средства. Причем построены сверх плана силами молодежи на одном из оборонных заводов страны. Хабаровский крайком ВЛКСМ присвоил звеньям имена передовых организаций. На фюзеляжах боевых воздушных кораблей появились так много говорящие сердцу каждого молодого человека обозначения: «Сталинский Комсомольск», «Амурский комсомол», «Хабаровский комсомол», «Комсомол Колымы».

И вот боевые самолеты приняты Красной Армией, они вступили в строй славных военно-воздушных сил страны. Сегодня «Комсомольская правда» публикует первый рапорт и первые сводки о боевых действиях сталинских соколов, которые сражаются с врагом на самолетах, построенных на средства молодежи Дальнего Востока.

С гордостью прочтут этот рапорт на заводах Хабаровска и Комсомольска, на нефтепромыслах Сахалина, на золотых приисках Колымы, на рыбалках Амура. По праву каждый патриот, живущий и работающий на нашем прекрасном Дальнем Востоке,

ЭР01037

кажет: «В этом есть доля и моего труда». Вместе с дальневосточниками вся наша комсомолия сегодня говорит:

— Наши дальневосточные сверстники и друзья хорошо поработали. Они дали обещание подготовить армии достойный подарок и хорошо сдержали свое слово. Они делом помогли фронту. Честь им и хвала!

О великом и нерушимом единстве тыла и фронта говорят материалы, публикуемые на страницах «Комсомольской правды». Одни мысли, одни стремления движут советской молодежью, где бы она ни сражалась, где бы она ни трудилась. Пусть тысячи километров отделяют фронт от Дальнего Востока, но советским человеком всюду и всегда владеет одно чувство — любовь к родине. Его сердце сейчас полно одной ненавистью к немецкой падали, которая поганит нашу землю.

Участием в священной битве за честь, свободу и независимость родины проверяется сейчас патриотизм каждого. И велением сердца звучит наказ: если страна оставила тебя в тылу, пусть на фронте разит врага оружие, сработанное твоими руками, пусть танки и самолеты, построенные сверх плана на твои кровные трудовые деньги, помогают Красной Армии быстрее двигаться на запад. В каждый снаряд, в каждый танк и самолет наши люди, которым безмерно дороги судьбы отчизны, вкладывают не только свой труд, но и свои думы, чаяния и надежды.

«Вы обещали нашей великой партии большевиков построить звено бомбовозов и построили эскадрилью, — пишут летчики в своем рапорте комсомольцам Хабаровского края. — Нам знакомо это горение, нам понятен ваш энтузиазм, мы знаем, чей призыв вдохновил вас, — мы сами испытали не раз силу зовущего слова родного Сталина.

Мы не забудем, что врученные нам машины построены на трудовые рубли дальневосточной молодежи. Будем помнить это, будем беречь машины, как зеницу ока, и, помня наказ ваш, будем бесстрашно разить врага, будем бить без промаха в его черное сердце».

...Наши бойцы выжмут из техники все, что может она дать для уничтожения врага. Без промаха будут бить снайперы из автоматов, сработанных в сверхурочные часы нашими школьниками, студентами, учениками ремесленных училищ. Без пощады будут давить врага танкисты, вооруженные мощными танками, построенными на средства всего ВЛКСМ. Без отдыха будут громить живую силу и технику немцев летчики краснозвездных боевых самолетов комсомольских эскадрилий.

И, помня об этом, давайте, товарищи, равняться по дальневосточникам. Они показали, что слово молодых большевиков — серьезное слово, оно не расходится с делом. Обещано — сделано! Все силы и энергию отдадим тому, чтобы выполнить и перевыполнить обязательства по выпуску сверх плана к XXIV годовщине Красной Армии оборонной продукции.

ЭР01037

Больше танков и самолетов, больше пушек, минометов, пуле метов, противотанковых ружей, автоматов, больше снарядов и патронов! Будем ковать оружие днем и ночью, трудиться еще более самоотверженно, не считаясь со временем, не щадя сил. Будем помнить: там, на фронте, сражаются наши отцы и братья, наши друзья и сверстники. Они отстаивают нашу родную землю от врага, они выкуривают проклятую немчуру из наших совет ских городов и сел. Удесятерим помощь им! Все для фронта! Все для победы!

Самолеты, построенные на средства хабаровских комсомольцев, громят врага

НАКАЗ

Комсомольцы Хабаровского края решили построить звено бомбардировщиков. Начался сбор средств. Велико было желание дальневосточной молодежи оказать действенную помощь фронту. В короткий срок удалось построить не звено, а целую эскадрилью бомбардировщиков. Эскадрилья поступила в воинскую часть Действующей Красной Армии. Вместе с самолетами летчики получили наказ дальневосточных комсомольцев. Вот что писали они своим боевым друзьям:

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ!

Тысячи километров отделяют молодежь Дальнего Востока от линии фронта, но мы чувствуем себя бойцами великой отечественной войны. Мы помогаем вам, бойцы доблестной Красной армии, своим стахановским трудом, созданием мощного фонда обороны, строительством нового вооружения. Заверяем вас, что, если потребует родина, если прикажет партия и великий Сталин, мы с оружием в руках станем на защиту нашей родины.

Боевые товарищи! Машины, врученные вам сегодня, построены на трудовые рубли дальневосточной молодежи для ускорения нашей победы. Помните это. Берегите их, как зеницу ока, и бесстрашно разите врага.

Молодые патриоты, наши славные соколы, доблестно сражающиеся в рядах действующего воздушного флота! Свято выполняйте присягу на верность родине, советскому правительству. Будьте всегда и везде впереди. Держите крепче в руках штурвал наших краснозвездных боевых машин. Бейте врага без промаха, бейте его в черное сердце, чтобы он не мог никогда подняться. Без пощады истребляйте гитлеровских людоедов. Помните, вам доверили защиту родины, защищайте ее, не щадя своей жизни.

ЭР01037

За родину! За Сталина! Вперед к полной победе над врагом, одные соколы нашей великой родины!

Мы же в свою очередь заверяем вас от имени молодых дальвосточников: молодые патриоты Приамурья, Колымы, всех райов необъятного Дальнего Востока будут трудиться еще самоверженнее, чтобы обеспечить фронту все необходимое для беды над врагом.

От всей души желаем вам успеха. Ждем от вас весточек о м, какую службу сослужат родине воздушные корабли, пороенные на наши средства. Пишите нам о своих боевых делах. дем поддерживать постоянную связь.

По поручению комсомольцев и молодежи Хабаровского края —
ХАБАРОВСКИЙ КРАЕВОЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ

Рапорт

Самолеты хабаровских комсомольцев попали в надежные руки. В первые же вылеты эскадрилья «Хабаровский комсомол» разрушила станцию, разбомбила вражеские эшелоны, уничтожила сотни фашистских головорезов. Крепко держат летчики штурвалы краснозвездных боевых машин, построенных на трудовые рубли молодежи. Хорошо отблагодарили сталинские соколы дальневосточных комсомольцев за их дорогой подарок.

Комсомольцы Хабаровского края, выслушайте рапорт личного состава эскадрильи «Хабаровский комсомол».

РОДНЫЕ ТОВАРИЩИ!

На тех самолетах, которые вы нам прислали, мы сегодня летали громить врага. Не слов ответа вы ждете от нас, а сурового правого дела — беспощадной расплаты с врагом. Одни у нас с вами желания, мысли и чувства, одно у нас с вами высокое каркое пламя любви к родине горит в сердцах. Мы не забудем бедствий, которые принес нам враг. Поруганная наша земля, пролитая кровь замученных братьев и сестер, расстрелянные дети и подростки, руины городов, пепел сожженных деревень и сел зовут нас к мести. Гнев народа — наш гнев. Он яростен и могуч.

Юноши и девушки! Вы обещали нашей великой партии большевиков построить звено бомбовозов и построили эскадрилью. Нам знакомо это горенье, нам понятен ваш энтузиазм, мы знаем, чей призыв вдохновил вас, мы сами испытывали не раз силу зовущего слова родного Сталина.

ДВ НБ
ЭР01037

Мы не забудем, что врученные нам машины построены на трудовые рубли дальневосточной молодежи. Будем помнить это, будем беречь машины, как зеницу ока, и, помня наказ ваш, будем бесстрашно разить врага, будем бить без промаха в его черное сердце.

Заверяем вас: мы достойно будем летать на машинах, неустанно будем истреблять грабьармию, приближая нашу победу. Мы выполним долг свой.

Дорогие друзья! От чистого сердца большое спасибо вам за подарки. Теплота письма вашего, ваша забота о нас, ваша вера в наши силы воодушевляют нас на новые подвиги, и мы совершим их еще не однажды. Враг будет разбит! Победа будет за нами!

По поручению личного состава части письмо подписали: ТИХИЙ ГРОСУЛ, ХАРЧЕНКО, ПЕТЕЛИН, КРАСНОВ, ЧИЧЕРИН, ПЕТЕЛЬКО, МАЗИТОВ, ХОХЛОВ, ОРЛОВ, МАРТЫНОВ.

Над целью

С ТРИДЦАТИ МЕТРОВ

Погода в районе цели была ясная, безоблачная. На высоте 4 500—5 000 метров голубое небо прочерчивалось белыми полосами — это фашистские истребители прикрывали станцию. Майор Тихий заметил их еще издали:

— Ну, что же, пусть патрулируют, мешать не станем, — и «Хабаровский комсомол» еще ниже прижался к земле.

Под крыльями самолета в 30 метрах от земли замелькали рельсы, вагоны. Штурман капитан Петелько сбросил бомбы. Зашли и второй раз — бить, так уж бить до конца. Стрелки Ковалев и Морозов израсходовали почти все патроны, расстреливая солдат и офицеров; бомбами уничтожили 14 вагонов, из них 8 с боеприпасами.

ПРЯМЫМИ ПОПАДАНИЯМИ

«Комсомол Колымы» был вручен экипажу тов. Краснова.

Совершая первый полет на этой машине, старший лейтенант Краснов имел задание бомбить станцию В.

На цель вышли точно, не отклонившись. Штурман капитан Мазитов с высоты 1 500 метров сбросил бомбы и прямыми попаданиями уничтожил блок-пост у входных стрелок и 8 вагонов. Стрелки-радисты разбросали 10 тысяч листовок, разоблачающих гнусную, разбойничью политику немецкого командования.

На следующий день экипаж снова громил вражеские железнодорожные эшелоны, истребляя вшивых бандитов.

Капитан П. СКВОРЦОВ.

ЭР01037

Первый вылет

РАЗРУШИЛИ СТАНЦИЮ

Мы получили самый дорогой для нас подарок — краснозвездные птицы. На следующий день мы вдвоем со старшим лейтенантом Харченко двойкой летали громить железнодорожный узел В.

В полете почувствовали, с какой любовью комсомольцы строили эти самолеты. Безотказно работают моторы. Послушная управлению машина несется легко. Шли на бреющем. У линии фронта погода улучшилась. Мы набрали высоту. Противник открыл по нас сильный зенитный огонь.

Над целью снова сильно обстреливала зенитка, но это не помешало нам отлично выполнить задание.

РАЗБОМБИЛИ ЭШЕЛОНЫ

На второй день после этого я снова водил звено на ту же цель. Со мной летали экипажи Харченко и Паращенко. Заградительный огонь зенитной артиллерии казался непроходимым. Но мы, помня наказ комсомольцев Дальнего Востока, не дрогнули и прорвались к цели. Штурман звена Глущенко сбросил бомбы точно на эшелоны. Мы видели большие взрывы и пожары. Результаты бомбометания сфотографировали. На земле по снимкам было установлено, что цель поражена отлично.

УНИЧТОЖИЛИ СОТНИ ГОЛОВОРЕЗОВ

На третий день я повел пятерку боевых самолетов. И на этот раз тоже громили железнодорожный узел, не менее крупный, чем предыдущий. Враг яростно обстреливал нас, но мы и на этот раз отлично выполнили задание. Пятьдесят бомб крупного калибра наши уничтожили сотни фашистских солдат, спешивших на подкрепление своим отступающим разбойникам, а железнодорожный узел надолго вышел из строя. Результаты бомбометания засняты на пленку и в этот раз. На снимке видно, как фашисты взлетают на воздух.

Так наши боевые экипажи отвечают на подарок комсомольцев-дальневосточников.

Старший лейтенант И. ГРОСУЛ.

Курсом на запад

Для воина лучший подарок — оружие. Комсомольцы-дальневосточники подарили нашей части целую эскадрилью бомбовозов. Самолеты были вручены лучшим экипажам. Штурману, капитану Мазитову много раз приходилось сохранять хладнокровие и выдержку в бою, а вот здесь, на своем аэродроме, ему не удалось сохранить спокойствие, — ответная речь его прозвучала

ЦГАЛИ
ОР01037

взволнованно и горячо. От лица всех собравшихся он заявил, ч советские летчики на этих машинах достойно будут громи врага.

— Ответим на подарок беспощадным истреблением оккупа тов!

В унтах, в меховых комбинезонах перед ним стояли летчик штурманы, стрелки, радисты и техники. Каждый из них мог б сказать те же слова, у каждого они отвечали бы тем же чу ствам. И такие же чувства волновали молодежь там, далеко, в востоке. И такие же мысли были у всех, как у штурмана капи тана Мазитова. И там и тут живут одним.

И с этим могучим чувством единства экипажи полетели в боевое задание. «Хабаровский комсомол», «Комсомол Колымы» «Сталинский Комсомольск», — один за другим самолеты подь мали за собой пыльное облако снега и взмывали вверх.

В последующие дни в тылу противника было разрушено не сколько железнодорожных узлов, уничтожено несколько эшел нов с отступающими войсками, много было сброшено бомб по до рогам на автомашины с пехотой и совершено несколько налето на аэродромы врага, а также сброшено много тысяч листовок н немецком и русском языках. Об одном из таких полетов экипаж старшего лейтенанта Краснова можно рассказать следующее Штурман его, капитан Мазитов, сидя в передней кабине, види сожженные деревни, оставленные немцами. По дорогам продви гаются к фронту наши войска. А где-то в стороне население очи щает, ремонтирует дорогу, помогает войскам. Движет людьм единый порыв — скорее истребить оккупантов.

И там, на Дальнем Востоке, комсомольцы подходят к карте отмечают линию фронта, таят нетерпение в каждом жесте, в каж дом слове. Ждут и верят, что летчик Краснов превосходно ле тает на подаренной, вверенной ему машине и что его друг Мази тов сбрасывает бомбы на цель без промаха. Но только бы скорее скорее!

Тысячи рук готовили эти машины, эти приборы, эти бомбы чтобы сын родины капитан Мазитов сел в штурманскую кабину указал путь в стан врага и сбросил бомбы «в его черное сердце».

К цели зашли с солнечной стороны. По снежной дороге дви галась колонна автомашин. Немцы удирают.

Вспыхнули клубки черного и белого дыма. Зенитные снаряды густо стали рваться вокруг самолета. Когда первые автомашины попали в крестовину прицела, Мазитов нажал кнопку сбрасыва теля. Бомбы ложились без промаха. По дороге. По колонне.

Суровое дело истребления врага совершалось под облаками дыма. Неожиданно Мазитов увидел внизу истребителя. С отворо том влево он, видимо, выходил из атаки. По закругленно-острым консолям плоскостей узнал «Мессершмитта-115». Снаряды рва лись впереди под левой плоскостью ведущего самолета Гросула. Проскочил второй «Мессершитт». Враг проскочил слиш-

ЭР01037

Самолеты эскадрильи „Хабаровский комсомол" перед отправкой на фронт.

ЭР01037

ком низко и в сторону, — Мазитову стрелять по нему неудобно.

Все бомбы сброшены. Самолеты развернулись и, отражая атаки, пошли курсом домой.

«Мессершмитты» успели сделать пять атак. Один из них упал, сбитый нашими стрелками. Бомбардировщики перешли на бреющий. Они торопились набрать бомб и снова вернуться по этому курсу и снова сбросить мощные огнепады на оккупантов.

А там, на Дальнем Востоке, молодые патриоты, забыв об отдыхе, продолжают производить самолеты, бомбы, оружие. Они подходят к карте, чтобы отметить линию фронта. Скупые слова их таят нетерпение.

Скорее бы, скорее! Подальше на запад.

Они верят и ждут.

Старший политрук В. ДЕВЯТОВ.

Юго-Западный фронт.

В глубоком тылу врага

Из Действующей армии пришло это письмо. Автор его — сотрудник редакции красноармейской газеты «За правое дело», выходящей в авиационной части, где находится эскадрилья бомбардировщиков «Хабаровский комсомол». В письме рассказывается о полете в глубокий тыл немцев на самолете, которым командует один из выдающихся мастеров бомбардировочной авиации Герой Советского Союза А. Молодчий.

В части был получен приказ разбомбить крупный аэродром противника, уничтожить находящиеся на нем самолеты, привести в полную негодность летное поле.

Еще задолго до полета штурманы приступили к прокладыванию маршрута. Они наклонились над картой, внимательно рассматривали ее, запоминая крупные характерные ориентиры. Жирная черная линия протянулась на карте от нашего аэродрома до цели. Рассчитаны скорость и время на каждом участке маршрута, в бортовой журнал занесены радиоданные, метеосводка.

Аэродром. К командному пункту подъезжает голубой автобус. Из него выходят прославленные герои полетов в глубокий тыл врага — старшие лейтенанты Тихонов и Гаранин, майоры Марков и Материкин, Герой Советского Союза капитан А. Молодчий, капитан Михаил Симонов и другие. Вместе с летчиками — их штурманы, радисты и воздушные стрелки.

Сгущаются сумерки. Воздух наполняется оглушительным ревом моторов. Один за другим самолеты выруливают на старт.

ЭР01037

На самолете «Хабаровский комсомол» идет в свой 85-й дальний рейс Герой Советского Союза Александр Молодчий со своим штурманом — бывшим хабаровским комсомольцем, дважды орденоносцем капитаном Куликовым и радистом-орденоносцем Панфиловым. Воздушным стрелком в экипаже «Хабаровского комсомола» — секретарь редакции газеты авиационной части, автор этих строк.

К самолету подвешены тысячи килограммов смертоносного груза. Наши бомбы обрушатся сегодня на головы фашистских захватчиков. Кабина радиста и стрелка загружена пачками листовок. Может быть они просветят тупые головы фрицев и гансов. Нашим братьям и сестрам из районов, временно оккупированных немецкими разбойниками, листовки расскажут правду о советской родине.

Старшина Панфилов проверяет работу радиостанции, пробует пулемет. «Все в порядке», — докладывает командиру экипаж.

— От винта! — командует Молодчий. «Есть от винта!» — отвечают техник и механики, и отбегают от самолета. Много труда, умения и энергии отдали они для того, чтобы подготовить самолет к выполнению сегодняшнего задания. Моторы запущены. Колеса освобождаются от колодок. Провожающие застывают в положении «смирно», приложив руку к головному убору, — «Счастливый путь!».

Штурман высовывается из верхнего люка и вытянутой вперед рукой указывает летчику путь на стартовую дорожку. Медленно, покачиваясь из стороны в сторону, тяжелый корабль движется по зеленому полю аэродрома. Вот и старт. На нем зажигается зеленый свет — взлет разрешен. Летчик дает полный газ, машина с громной скоростью бежит по бетонированной дорожке и плавно отрывается от земли.

Включаюсь в систему внутренней связи. Радист докладывает штурману: — «Связь с землей установлена». — «Хорошо», — отвечает Куликов. Штурман не сводит глаз с приборов, наблюдает за земными ориентирами. Молодчий помогает ему, указывает на характерные из них.

— Река слева, доверни на 5 градусов, — говорит штурман.

Корабль летит точно по маршруту. Идем над облаками. Высота достигает 4000 метров. Температура падает ниже нуля. Спокойно и уверенно работает радист Панфилов. Пальцы его едва касаются люча, и на землю идут радиограммы о прохождении самолетом контрольных пунктов. В наушники доносятся едва слышимые из-за шума моторов и атмосферных помех звуки: радиограмма принята.

Поднимаюсь в верхний люк, к пулемету. Низко нависло звездное небо. Далеко внизу замерла земля, на ней не видно ни одного огонька. Вперед, на запад несется краснозвездный «Хабаровский комсомол».

На самолете выключаются бортовые огни: подходим к линии фронта. Темнота ночи разрывается вспышками артиллерийских снарядов. Идет ожесточенная борьба за один крупный населенный

ЭР01037

пункт. Родная советская земля стонет под игом немецких оккупантов. При этой мысли жгучая ненависть охватывает всех членов экипажа. Она, эта ненависть, вдохновляет наших сталинских соколов на новые подвиги во славу родины.

Приближаемся к цели. Видим изученные еще на земле ориентиры: река и параллельное ей шоссе. Севернее показывается черное пятно населенного пункта. Открываем люк. Вниз летят десятки тысяч листовок. Панфилов становится к верхнему пулемету, я нахожусь у нижнего пулемета. В стороне наблюдаем зарево пожара — результат вчерашней бомбардировки, произведенной летчиками нашей части.

Над целью находятся и другие наши экипажи. Чтобы не помешать им отбомбиться, мы возвращаемся назад, ждем своей очереди. Идем на цель на приглушенных моторах, чтобы не дать себя обнаружить. Вот характерный изгиб реки. Штурман просит довернуть немного вправо. Молодчий доворачивает.

— Боевой курс! — командует Куликов.

— Есть боевой! — отвечает Молодчий и зажимает в руках штурвал.

Вот она — цель! Всю нашу ненависть к врагу — сюда! Весь наш гнев — сюда! За слезы и страдания стариков и детей, за поруганных женщин, за сожженные города и села — огонь по врагу!

Отчетливо видны бетонированные дорожки, ангары аэродрома. Штурман нажимает боевую кнопку. Корабль слегка вздрагивает — это из бомбовых люков освобождается смертоносный металл. Далеко вниз к земле летят серии бомб. Вспышки взрывов ослепляют глаза. Возникают многочисленные пожары.

Наш самолет нащупали десятки вражеских прожекторов. Ожесточенный огонь открывает зенитная артиллерия. Десятки снарядов рвутся вокруг самолета. Свет прожекторов ослепляет штурмана и летчика. Штурман надевает темные очки. В кабине летчика включается полный накал. Приборы теперь отчетливо видны. Повышая скорость и резко меняя курс, Молодчий выводит самолет из зоны обстрела.

Недалеко от нас замечаем желтые фары немецкого истребителя. Фашистский стервятник идет на сближение с нами. И тогда Молодчий прибегает к хитрости. Он поворачивает машину спиной к врагу, чтобы не видно было огненных вспышек из выхлопных патрубков мотора. Лишаясь этого ориентира, враг в темноте теряет наш самолет из виду.

Далеко от цели, за десятки километров видно сплошное зарево пожара. Фашистский аэродром горит. Экипаж счастлив и горд от сознания, что выполнил задание командования, нанес ощутительный удар врагу. Панфилов передает на землю сообщение командира о выполнении задания, запрашивает погоду в районе аэродрома и просит разрешения на посадку.

Разрешение на посадку получено. Самолет идет по маршруту и точно приходит на свой аэродром. Вниз летит условная ракета — «я свой». С земли ракетой разрешают садиться. Вы

ЭР01037

ущены шасси. Все ближе и ближе земля. Прожектор освещает етонированную полосу аэродрома. Самолет плавно касается емли.

Подруливаем к стоянке. Нас встречают инженеры, летчики, ханики. Вылезаем из кабины. Уже совсем светло, дует теплый терок. На корпусе самолета отчетливо видна надпись: «Хабаров- кий комсомол». Жгучая ненависть к врагу родила этот самолет. Жгучая ненависть экипажа этого самолета обрушивается на врага мертоносным бомбовым грузом. Чувства хабаровских комсомоль- цев и членов боевого экипажа Молодчего — едины.

Экипаж героя шлет горячий привет с Западного фронта хаба- ровским комсомольцам, на чьи средства построена боевая машина.

Западный фронт. Июнь 1942 г.

С. КРАСИЛЬЩИКОВ.

ДВГНБ

ЭР01037

СОДЕРЖАНИЕ

И. А. Мельник. Комсомольцы Хабаровского края — фронту .

Воспитанники дальневосточного комсомола на фронте

Евг. Воробьев. Пулеметчик из Комсомольска . . . . .
Ю. Шестакова. Лейтенант Владимир Гордов . . . . .
Вадим Кожевников. Ганси Киля . . . . . .

Фронтовики тыла

Н. Задорнов. Рассказы Валентины Демениной . . . . .
Иду на работу как в бой. Рассказ бригадира фронтовой бригады завода имени Горького Александра Матвеенко 3
Здесь тоже фронт. Рассказ бригадира комсомольоко-молодежной фронтовой бригады хабаровского завода имени В. М. Молотова орденоносца Николая Спицына 4
Мы защищаем родину. Рассказ бригадира фронтовой бригады Амурстальстроя орденоносца Ивана Чопорова 4
Во имя счастливого будущего. Рассказ стахановца Станислава Тарабарко 4
Девушки, нас зовет страна... Рассказ лесоруба Дормидонтовского леспромхоза Антонины Павловой 4
Комсомольцы нашего стойбища. Рассказ секретаря комсомольской организации колхоза «Нанайский партизан» У. Морака . . . 5
Наши кони не подведут в бою. Рассказ конюха колхоза «Амурский партизан» Алексея Ремизова 55
Станем мастерами земли. Рассказ знатного тракториста Димского зерносовхоза Григория Черникина 56

Комсомольцы Хабаровского края — фронту

Слово и дело хабаровских комсомольцев 60
Самолеты, построенные на средства хабаровских комсомольцев; громят врага 62
Рапорт 63
Над целью 64
Первый вылет 65
Курсом на запад 65
В глубоком тылу врага 67

Редакционная коллегия *С. Валушков, Н. Галунин, И. Машуков*

Подписано к печати 22 июля 1942 г. Объем: 4,5 печ. л., 5,36 уч.-изд л.
ВЛ 3663. Тираж 15 000 экз.

Типография № 5 Бланкоиздательства. Хабаровск, ул. Л. Толстого, 45.
Зак. № 1439.

ЭР01037

ДВГНБ

ЭР01037

Цена 1 руб. 10 коп.

ДВГНБ

ЭР01037